

JULE 2025 | ISSUE #7(1)

**INTERNATIONAL JOURNAL
OF PROFESSIONAL
SCIENCE**

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU

ISSN 2542-1085

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №7(1) - 2025. 98 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2025

Article writers, 2025

Scientific public organization
“Professional science”, 2025

Table of contents

INTRODUCTION.....	5
CULTURAL STUDIES AND ARTS	6
Rylina E.O. Creative lighting strategy with minimal equipment set in studio photography	6
ECONOMY AND MANAGEMENT	13
Baybulatov R.M. Topical issues of assessing the efficiency of investment and innovation projects.....	13
Boytush O.A. Accumulative pension systems: foreign experience and prospects for application in Russia.....	19
Galiullina R.L. Operating cash flows of a commercial organization	26
Ignatova K.A., Sergeta A.S. Impact of increase in the Central bank key rate on the Russian economy: analysis of consequences for lending, deposits and inflation	34
Nemchenko A.G. Assessment of the efficiency of use of the organization's fixed capital	40
Vygodskaya E.M. The phenomenon of emotional intelligence in the professional activity of a modern manager	45
EDUCATION AND PEDAGOGY	50
Poploukhina A.V. AI-Generated Thematic Songs as Brain Breaks: Creation and Implementation for Grades 5-7 Classroom Instruction	50
JURISPRUDENCE AND LAW	56
Kryvusha A.A. Problems of qualification of fraud in criminal law of Russia	56
Shaboltai Z.N., Khudyakov I.A., Krylova Yu.O. The doctrine of "removing the corporate veil" in Russian law	69
Shevchenko A.S. Problems of qualification of indecent acts (article 135 of the criminal code of the Russian Federation) and the directions of improvement of criminal law norms	75
Sychev M.S. Comparative characteristics of the functioning of commodity exchanges in Russia and the USA	82
MASS MEDIA AND COMMUNICATION	88
Grishina S., Galeeva T., Pestova M. "Gender Stereotypes in the Language of Mass Media"	88
CONCLUSION	97

INTRODUCTION

In this issue, we present articles covering various aspects of culture, economics, pedagogy, law, and mass media. These studies not only reflect the latest trends in the relevant fields, but also represent key elements for understanding current and future challenges.

Each article in this issue is written in line with modern requirements, taking into account both theoretical and practical aspects. For example, considering the problems of qualifying indecent acts in criminal law, the authors focus on ways to improve legal norms. This topic is becoming especially relevant in light of modern challenges related to the protection of human rights and ensuring law and order. In addition, a comparative study of the functioning of commodity exchanges in Russia and the United States reveals nuances that affect the financial stability and economic development of both countries, thereby offering promising solutions for improving market mechanisms.

The topic of gender stereotypes in the language of the media is also on the horizon. This problem is becoming increasingly noticeable and requires in-depth analysis to understand how language shapes public perceptions of the roles of men and women, as well as how this affects the perception and behavior of the audience. Research in this area can contribute to a more conscious approach to media-generated content and its impact on public opinion.

CULTURAL STUDIES AND ARTS

UDC 77.04

Rylina E.O. Creative lighting strategy with minimal equipment set in studio photography

Стратегия креативного освещения с минимальным набором оборудования в студийной фотографии

Rylina Elena Olegovna

Bachelor of Arts
ART & DESIGN INSTITUT,
Czech Republic, Prague
Рылина Елена Олеговна,
Бакалавр искусств
ART & DESIGN INSTITUT,
Чешская Республика, г. Прага

Abstract. The article presents the author's methodology for creating creative lighting schemes in studio photography using a minimal set of lighting equipment. Over 10 years of professional practice, the author has developed and tested a unique approach to organizing lighting solutions that allows achieving highly artistic results with limited technical resources. The research methodology includes theoretical analysis of existing approaches, a series of photographic experiments with various lighting parameters, a survey of 127 clients and models, and visual analysis of more than 1,500 photographs from the author's portfolio. The research results demonstrate that applying the developed strategy allows reducing the number of light sources used by 60% while maintaining artistic expressiveness and technical image quality. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the methodology by both novice photographers with limited budgets and professionals seeking to optimize their workflow.

Keywords: studio photography, minimal equipment, creative lighting, lighting schemes, author's methodology, shooting process optimization. **Аннотация.** В статье представлена авторская методика создания креативных световых схем в студийной фотографии с использованием минимального набора осветительного оборудования. За 10 лет профессиональной практики автором разработан и апробирован уникальный подход к организации световых решений, позволяющий достигать высокохудожественных результатов при ограниченных технических ресурсах. Методология исследования включает теоретический анализ существующих подходов, серию фотографических экспериментов с различными параметрами освещения, опрос 127 клиентов и моделей, а также визуальный анализ более 1500 фотографий из авторского портфолио. Результаты исследования демонстрируют, что применение разработанной стратегии позволяет сократить количество используемых источников света на 60% при сохранении художественной выразительности и технического качества изображений. Практическая значимость работы заключается в возможности применения методики как начинающими фотографами с ограниченным бюджетом, так и профессионалами, стремящимися к оптимизации рабочего процесса.

Ключевые слова: студийная фотография, минимальное оборудование, креативное освещение, световые схемы, авторская методика, оптимизация съемочного процесса

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

Введение

Современная студийная фотография находится в парадоксальной ситуации: с одной стороны, рынок предлагает беспрецедентное разнообразие осветительного оборудования, с другой – экономические реалии и мобильность профессиональной деятельности требуют минимизации технического арсенала. За 10 лет моей практики в области студийной фотографии я наблюдала трансформацию подходов к организации освещения от стремления к максимальной технической оснащенности к осознанной минимизации без потери качества.

Анализ современных тенденций показывает, что большинство фотографов используют избыточное количество источников света, следуя устаревшим схемам, разработанным для пленочной фотографии с ее техническими ограничениями. При этом возможности современных цифровых камер и постобработки позволяют достигать впечатляющих результатов с минимальным набором оборудования.

В своей практике я столкнулась с необходимостью разработки альтернативного подхода, когда в 2010 году начала проводить выездные фотосессии в различных европейских городах. Транспортировка стандартного студийного комплекта из 4-5 источников света оказалась экономически нецелесообразной и физически изнурительной. Это послужило катализатором для создания моей авторской методики, которая за последующие годы была усовершенствована и систематизирована.

Цель исследования

Целью данной работы является представление авторской методики креативного освещения в студийной фотографии, позволяющей создавать профессиональные художественные изображения с использованием минимального набора осветительного оборудования, а также научное обоснование эффективности предложенного подхода на основе многолетнего практического опыта и экспериментальных данных.

Материалы и методы исследования

Теоретический анализ литературы

Анализ существующих научных подходов к освещению в фотографии выявил существенный пробел в академических исследованиях традиционных методик студийного освещения. Как отмечается в исследовании Yamamoto et al. [1], современные научные работы фокусируются преимущественно на вычислительных методах оптимизации освещения. Однако эти подходы, несмотря на их инновационность, не учитывают практические аспекты работы с минимальным оборудованием, что привело меня к необходимости разработки собственной методологии.

Изучение психологии визуального восприятия [2, 3] показало, что человеческое восприятие освещения подчиняется определенным закономерностям, которые можно эффективно использовать при создании световых схем. Особенно важным оказалось понимание роли контраста и пространственной организации света в формировании визуального образа [4].

Фотографический эксперимент

Мною проведена серия из 48 контролируемых экспериментов в период с 2019 по 2024 год с систематическим варьированием следующих параметров:

- Мощность источников: от 100 до 600 Дж (шаг 100 Дж)
- Расстояние от источника до объекта: от 0,5 до 3 метров (шаг 0,5 м)
- Угол падения света: 15°, 30°, 45°, 60°, 75°, 90°
- Модификаторы света: зонт (белый/серебристый), софтбокс (60×90 см, 90×120 см), портретная тарелка, рефлектор

В каждом эксперименте фиксировались технические параметры (экспозиция, цветовая температура, контраст) и художественные характеристики полученных изображений. Все съемки проводились на камеру с полнокадровой матрицей при ISO 100-400, диафрагме f/5.6-f/11.

Опрос клиентов и моделей

В рамках исследования мною опрошено 127 человек (87 клиентов и 40 профессиональных моделей), работавших со мной в период 2020-2024 годов. Критерии оценки включали:

1. Комфортность работы при съемке (шкала 1-10)
2. Восприятие качества освещения (сравнение с предыдущим опытом)
3. Субъективная оценка художественной выразительности результатов
4. Временные затраты на съемочный процесс

Опрос проводился методом структурированного интервью с последующей статистической обработкой результатов.

Визуальный анализ

Проанализировано более 1500 фотографий из моего профессионального портфолио за период 2015-2024 годов. Анализ включал:

- Классификацию по типам используемых световых схем
- Оценку технического качества (резкость, экспозиция, цветопередача)
- Художественную выразительность (по 10-балльной шкале с привлечением независимых экспертов)
- Корреляцию между количеством источников света и итоговым качеством

Результаты и их обсуждение

Основные принципы авторской методики

В результате многолетних исследований и практической работы я разработала стратегию "Треугольника минимального света" (ТМС), основанную на трех ключевых принципах:

1. Принцип доминантного источника

В моей методике всегда присутствует один основной источник света мощностью 400-600 Дж, который формирует основной светотеневой рисунок. Этот источник устанавливается под углом 30-45° относительно оптической оси камеры на расстоянии 1,5-2 метра от модели. Использование крупного модификатора (софтбокс 90×120 см или октобокс 120 см) обеспечивает мягкий, обволакивающий свет.

2. Принцип активного отражения

Вместо дополнительных источников света я использую систему отражателей различной конфигурации. Разработанная мною схема включает:

- Основной отражатель 100×150 см (белый/серебристый)
- Два мобильных отражателя 60×90 см
- Потолочный отражатель (при возможности)

Правильное позиционирование отражателей позволяет создавать эффект многоисточникового освещения при использовании единственного активного источника.

3. Принцип динамической адаптации

В отличие от статичных классических схем, моя методика предполагает постоянную корректировку положения источника и отражателей в процессе съемки. Это требует развитого визуального восприятия и понимания физики света, но позволяет достигать уникальных результатов для каждого кадра.

Количественные результаты применения методики

Статистический анализ данных показал следующие результаты:

1. **Сокращение оборудования:** Среднее количество используемых источников света сократилось с 3,7 до 1,4 (снижение на 62%)
2. **Временная эффективность:** Время подготовки к съемке сократилось с 45 до 18 минут (улучшение на 60%)
3. **Качество результатов:**
 - Техническое качество: 8,7/10 (традиционные схемы: 8,9/10)
 - Художественная выразительность: 9,1/10 (традиционные схемы: 8,4/10)
4. **Удовлетворенность клиентов:** 94% опрошенных оценили результаты как "превосходящие ожидания"

Сравнительный анализ с традиционными подходами

Традиционные схемы освещения, описанные в классической литературе, предполагают использование 3-5 источников света: рисующий, заполняющий, контровой, фоновый и акцентный. Моя методика демонстрирует, что аналогичных и даже превосходящих результатов можно достичь с 1-2 источниками при правильном использовании отражающих поверхностей и понимании физики света.

Важным открытием стало то, что человеческое восприятие не всегда точно определяет количество источников света на фотографии. Исследования в области визуальной перцепции [5, 6] подтверждают, что мозг интерпретирует световой рисунок целостно, что позволяет создавать иллюзию сложного освещения простыми средствами.

Эргономические преимущества

Применение минимального набора оборудования имеет существенные эргономические преимущества. Исследования в области эргономики рабочего пространства [7, 8] показывают важность оптимизации физической нагрузки. В моей практике сокращение оборудования привело к:

- Снижению физической усталости на 40%
- Увеличению мобильности и скорости перестройки схем
- Возможности работы в ограниченных пространствах
- Сокращению транспортных расходов на 70%

Психологические аспекты минималистичного подхода

Неожиданным результатом применения методики стало улучшение психологической атмосферы на съемках. Как показали исследования влияния окружающей среды на восприятие [9], минималистичная обстановка способствует концентрации и творческому процессу. 78% опрошенных моделей отметили, что чувствовали себя более расслабленно при работе с минимальным количеством оборудования.

Технические инновации в рамках методики

В процессе разработки методики мною были созданы несколько технических решений:

1. **Система быстрой смены модификаторов** - адаптеры собственной конструкции, позволяющие менять модификаторы за 15 секунд
2. **Мобильная система отражателей** - складная конструкция, объединяющая 3 отражателя в единый модуль
3. **Калькулятор световых схем** - разработанное мною приложение для быстрого расчета оптимальных углов и расстояний

Заключение

Представленная авторская методика креативного освещения с минимальным набором оборудования является результатом 10-летней практической работы и научного анализа. Разработанная стратегия "Треугольника минимального света" доказала свою эффективность как в художественном, так и в экономическом аспектах.

Ключевыми преимуществами методики являются:

- Сокращение необходимого оборудования на 60% без потери качества
- Повышение мобильности и адаптивности съемочного процесса
- Улучшение эргономики работы фотографа
- Создание благоприятной психологической атмосферы на съемках
- Экономия времени и финансовых ресурсов

Перспективы развития методики связаны с интеграцией современных LED-технологий и разработкой специализированного программного обеспечения для визуализации световых схем. Планируется проведение международных мастер-классов и создание образовательной онлайн-платформы для распространения методики среди профессионального сообщества.

Данная работа вносит вклад в развитие практической фотографии, предлагая научно обоснованный подход к оптимизации студийного освещения, что особенно актуально в условиях растущей мобильности профессии и экономических вызовов современности.

References

1. Yamamoto K., Koyama Y., Ochiai Y. Photographic Lighting Design with Photographer-in-the-Loop Bayesian Optimization // Proceedings of the 35th Annual ACM Symposium on User Interface Software and Technology. - 2022. - C. 1-13.
2. Murray R.F., Adams W.J. Visual perception and natural illumination // Current Opinion in Behavioral Sciences. - 2019. - Vol. 30. - C. 48-54.
3. Cavanagh P. Visual cognition // Vision Research. - 2011. - Vol. 51, № 13. - C. 1538-1551.
4. Song S., Yamada S. Ambient Lights Influence Perception and Decision-Making // Frontiers in Psychology. - 2019. - Vol. 9. - Article 2685.
5. Careaga C., Aksoy Y. Intrinsic Image Decomposition via Ordinal Shading // ACM Transactions on Graphics. - 2023. - Vol. 43, № 1. - Article 12.
6. Zhang Z., Liu Y., Han K. A Field Study of the Impact of Indoor Lighting on Visual Perception and Cognitive Performance in Classroom // Applied Sciences. - 2020. - Vol. 10, № 21. - C. 7436.

7. Heiden M., Zetterberg C., Lindberg P., Nylén P., Hemphälä H. Validity of a computer-based risk assessment method for visual ergonomics // International Journal of Industrial Ergonomics. - 2019. - Vol. 72. - C. 180-187.
8. Hemphälä H., Eklund J. A visual ergonomics intervention in mail sorting facilities: Effects on eyes, muscles and productivity // Applied Ergonomics. - 2012. - Vol. 43, № 1. - C. 217-229.
9. Bellazzi A., Bellia L., Chinazzo G., Corbisiero F., D'Agostino P., Devitofrancesco A., Fragliasso F., Ghellere M., Megale V., Salamone F. Virtual reality for assessing visual quality and lighting perception: A systematic review // Building and Environment. - 2022. - Vol. 209. - Article 108674.

ECONOMY AND MANAGEMENT

UDC 33

Baybulatov R.M. Topical issues of assessing the efficiency of investment and innovation projects

Актуальные проблемы оценки эффективности инвестиционно-инновационных проектов

Baybulatov Ruslan Mardanovich

Master's student,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Social University", Moscow
Байбулатов Руслан Марданович
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» г. Москва

Abstract. In this scientific work, the author briefly analyzes the current problems of assessing the effectiveness of investment and innovation projects. Thus, the author notes the complexity of the methodological apparatus in such activities, its multi-component nature. Further, the author considers specific problematic aspects of assessment activities, development prospects. This scientific article will be relevant for theorists and practitioners, researchers, narrow-profile specialists, a wide range of readers interested in the development and implementation of investment and innovation projects.

Keywords: investment projects, innovative projects, innovation and investment analysis, current state, efficiency assessment.

Аннотация. В настоящей научной работе автор кратко анализирует актуальные проблемы оценки эффективности инвестиционно-инновационных проектов. Так, автором отмечается сложность методологического аппарата в такой деятельности, его многосоставный характер. Далее автор рассматривает конкретные проблемные аспекты оценочной деятельности, перспективы развития. Настоящая научная статья будет актуальна для теоретиков и практиков, научных сотрудников, специалистов узкого профиля, широкого круга читателей, интересующихся разработкой и реализацией инвестиционно-инновационных проектов.

Ключевые слова: инвестиционные проекты, инновационные проекты, инновационно-инвестиционный анализ, современное состояние, оценка эффективности.

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Очевидно, что одним из наиболее актуальных для современной экономической деятельности направлением деятельности выступают инновационные разработки и инвестиционная активность. Это касается особенностей не только российской экономики, но и экономики зарубежных государств [2]. Предполагается, что инновационные элементы в той или иной степени должны присутствовать в любом современном проекте, иначе он будет банально не интересен для рынка, не будет иметь

потенциала к реализации в будущем.

Наибольшее количество инновационных проектов в российской практике на данный момент наблюдается в высокотехнологических областях, а именно: медицина; финансовые технологии (финтех); робототехника; интернет-технологии, в том числе мобильные. Развитие вышеперечисленных сфер обусловлено потребностями современной экономики, процессами глобализации и цифровизации, а также особенностями развития экономики в кризисный период, вызванной пандемией коронавируса COVID-19 [5].

В сложившихся условиях наиболее актуальными становятся вопросы оценки эффективности инвестиционно-инновационных проектов. В настоящее время наиболее востребованным на практике является следующий методологический инструментарий (схема 1).

Схема 1. Актуальные методы оценки инвестиционно-инновационных проектов

Таким образом, предполагается, что методы первой группы предназначены для оценки проектов на этапе отбора, поскольку именно с их помощью можно оценить, насколько эффективным является предполагаемое инвестиционное вложение в конкретный проект. Вторая группа методов обладает подобной же значимостью, а что касается третьей, то здесь мы наблюдаем уже реализацию методологического инструментария непосредственно на стадии реализации проекта. Эксперты справедливо отмечают, что наиболее важным выступает оценка эффективности в тех проектах, где финансирование предусмотрено поэтапно [3].

В числе методов первой группы можно привести примеры следующих

инструментов статического характера: чистый доход, срок окупаемости, норма прибыли на капитал и ряд других. Ко второй группе, соответственно, относятся уже динамические методы, а именно чистый дисконтированный доход, внутренняя норма прибыли, индекс доходности дисконтированных затрат и ряд других. Третья группа, в свою очередь, в своей совокупности сосредотачивает больше комбинированные методы, которые заключаются в применении определенной системы показателей [1; 4].

Несмотря на то, что перечисленные выше группы методов и их конкретные примеры широко распространены на практике, носят название традиционных, тем не менее, они обладают достаточно проблемным характером в части их реализации в рамках оценки конкретных инвестиционно-инновационных проектов. На это обращают внимание в своих исследованиях и эксперты-экономисты.

Например, в применении методов первой группы проблемным выступает вопрос учета срока. В частности, срок реализации проекта бывает буквально невозможно подразделить на отдельные периоды, также зачастую бывает не учтена разница в сроках реализации сравниваемых проектов. Параллельно можно наблюдать и некоторые другие проблемы – например, связанные с тем, что в методах оценки не учитываются денежные потоки, нет критериев выбора из двух проектов, показатели окупаемости которых являются примерно одинаковыми по своему уровню и т.д.

Что касается методов динамического свойства, то здесь можно наблюдать следующие проблемы. К примеру, это отсутствие размера альтернативных проектов, прибыльности проекта, а для реализации данного методологического инструментария требуется применение долгосрочного прогнозирования. Можно наблюдать также и ряд других проблемных моментов [3].

Обратимся и к третьей группе методов, которая, в конечном итоге, обладает следующими недостатками в их практической реализации непосредственно:

- сложность расчетов;
- низкая степень адаптивности;
- невозможность качественной оценки вклада в трансформацию капитала организации;
- иные.

Таким образом, как видно из представленного выше перечня, рассматриваемый методологический инструментарий на каждом этапе его применения обладает определенными недостатками и преимуществами, что логично. Идеального среди перечисленных методов нет, и это в своей совокупности делает крайне погрешным итоговый результат оценки эффективности инвестиционно-инновационных проектов, который можно легко поставить под сомнение [1]. Поэтому инвестору необходимо

учитывать, что даже реализация оценки с привлечением специалистов не свидетельствует об итоговой эффективности проекта, не гарантирует ее. Это повышает уровень риска инвестиционной активности в целом.

В конечном итоге, обобщая изложенные выше недостатки, можно обозначить наиболее общие проблемные аспекты методологического инструментария:

- невозможность адекватного сравнения разных проектов между собой по всем интересующим конечного пользователя критериям;
- невозможность определить степень отдачи от вложенных инвестиций;
- акцент на уровень риска во внешней среде проектов и на их инновационный потенциал;
- иные [5].

На основании перечисленных в исследовании проблемных аспектов далее кратко сформулируем также перспективные направления для развития актуальных методов оценки инвестиционно-инновационных проектов в частности.

Во-первых, это пересмотр критериев оценки в рамках применения каждого конкретного инструмента. Актуальность данного предложения можно наблюдать по приведенному анализу проблем каждой из групп методов. К примеру, если методы не включают оценку сроков или денежных потоков, необходимо переработать перечисленные инструменты так, чтобы данные критерии были включены в содержательную часть.

Во-вторых, обращая внимание на значительные проблемы в сравнении различных проектов, полагаем, было бы актуально разработать самостоятельный метод, который касался бы исключительно сравнительной составляющей проектов. Предполагается, что подобный метод должен быть обязательно включен в традиционную совокупность методов оценки и применяться вместе с ними в совокупности. Это позволит не только повысить эффективность сравнения как такового, но и высвободить другие методологические инструменты от лишней нагрузки, тем самым повышая и качество их реализации тоже [2].

Существует еще одна интересная позиция, предлагаемая экспертами, которая предполагает кардинальный пересмотр существующей сегодня системы оценки показателей и формулирование качественно нового методологического инструментария на основе уже имеющихся методов. Важно, что подобный инструментарий имеет своей целью обеспечить максимальную отдачу от инвестиционных вложений и параллельно качественно снизить инвестиционные риски. Полагаем, подобная точка зрения вполне обоснована и имеет право на существование.

Также очевидно, что сегодня инвестиционно-инновационные проекты уже нельзя

оценивать, используя традиционные инструменты без внесения в них каких-либо корректировок. Причиной тому выступает характеристика самих по себе ИИП в настоящее время, их постоянное обновление и совершенствование [5].

Таким образом, в заключении исследования обозначим ключевые выводы по данной теме.

Инвестиционно-инновационные проекты крайне распространены в современной экономике, более того, по оценкам некоторых экспертов, буквально любой реализуемый в настоящее время проект обязательно должен обладать инновационным характером, иначе он просто не будет востребован на рынке [3; 5].

В связи с этим, крайне обостряется вопрос об оценке подобных проектов. В работе отмечается, что существующий сегодня методологический инструментарий не актуален, поскольку нуждается в корректировках и обновлении в соответствии с последними тенденциями в экономике, технологиях и т.д. В настоящем исследовании методы разделены на 3 группы, критерием для классификации выступает конкретный этап реализации проекта, на котором такая оценка происходит.

Отмечается, что каждая группа обладает характерными только для нее недостатками, однако их все же можно объединить в некоторую совокупность. В любом случае, вне зависимости от того, как именно рассматривать эти методы, каким образом анализировать их преимущества и недостатки, очевидным является необходимость качественного совершенствования существующего инструментария. В работе предлагаются следующие варианты такого реформирования:

- пересмотр критериев оценки в рамках применения каждого конкретного инструмента;
- разработка самостоятельного метода, который касался бы исключительно сравнительной составляющей проектов;
- формулирование качественно нового методологического инструментария на основе уже имеющихся методов [5].

Очевиден также факт, что переоценка методологической составляющей сегодня крайне необходима. Предполагается, что в дальнейшем инвестиционно-инновационные проекты будут и дальше совершенствоваться, и распространяться более широко, а это значит, что вопрос качественной оценки их эффективности в обозримом будущем вновь актуализируется, причем довольно остро.

References

1. Бурса, И.А.; Тахумова, О.В. Инновационно-инвестиционный анализ и оценка проектов. – Краснодар: ООО «Принт-Терра». – 2021. – 113 с.

2. Елохова, И.В., Малинина, С.Е. Современные проблемы оценки экономической эффективности инновационных проектов // Вестник Пермского университета. – 2020. – № 3 (22). – С. 74-82.
3. Крылов, Э.И.; Воробьева, Л.С. Обзор методов оценки эффективности инновационно-инвестиционных проектов // Инновации и инвестиции. – 2016. – № 6. – С.: 158-164.
4. Кудряшова, А.В. Совершенствование методов оценки эффективности инновационных проектов // Вестник университета. Стратегии и инновации. – 2018. – № 9. – С. 50-55.
5. Токарев, Б.Е. Количественный анализ инновационных стартапов в России // Управление. – 2020. – № 2. – С.: 20-29.

UDC 33

Boytush O.A. Accumulative pension systems: foreign experience and prospects for application in Russia

Накопительные пенсионные системы: зарубежный опыт и перспективы применения в России

Boytush Oksana Aleksandrovna,

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Finance, Money Circulation and Credit,
Ural State University of Economics, Yekaterinburg

Бойтуш Оксана Александровна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита,
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Abstract. *The article examines the experience of funded pension systems in various countries around the world and analyzes the prospects for their development in the Russian Federation. This author's study covers the theoretical foundations of funded pension provision, the practice of implementing similar systems in foreign countries, as well as an analysis of the current state and potential for the development of the funded component of the pension system in Russia. The author pays special attention to the analysis of the advantages and risks of funded schemes, their impact on economic development and social security of the population.*

Keywords: *funded pension system, pension reform, individual pension accounts, demographic transition, investment return.*

Аннотация. В статье рассматривается опыт функционирования накопительных пенсионных систем в различных странах мира и анализируются перспективы их развития в Российской Федерации. Настоящее авторское исследование охватывает теоретические основы накопительного пенсионного обеспечения, практику реализации подобных систем в зарубежных странах, а также анализ современного состояния и потенциальных возможностей развития накопительной составляющей пенсионной системы России. Особое внимание автором уделяется анализу преимуществ и рисков накопительных схем, их влиянию на экономическое развитие и социальную защищенность населения.

Ключевые слова: *накопительная пенсионная система, пенсионная реформа, индивидуальные пенсионные счета, демографический переход, инвестиционная доходность.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Введение

Демографические изменения, происходящие в развитых и развивающихся странах мира, создают серьезные вызовы для традиционных распределительных пенсионных систем. Многими современными учеными отмечается, что старение населения, снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни приводят к росту нагрузки на работающее поколение и угрозе финансовой устойчивости

пенсионных систем. В этих условиях многие страны обратились к накопительным пенсионным схемам как к инструменту решения демографических и финансовых проблем пенсионного обеспечения. [3, с. 34]

Российская Федерация не является исключением в этом процессе. Начиная с 2002 года в стране функционирует смешанная пенсионная система, включающая как распределительную, так и накопительную составляющие. Однако, по мнению автора, развитие накопительного компонента сталкивается с рядом проблем и ограничений, требующих научного анализа и выработки обоснованных решений.

Цель данного исследования заключается в авторском анализе международного опыта функционирования накопительных пенсионных систем и оценке перспектив их развития в России с учетом специфики национальной экономики и социально-демографической ситуации.

Результаты и обсуждение

Проведенный в рамках настоящей статьи анализ международного опыта функционирования пенсионных систем, показывает, что накопительные пенсионные системы могут служить эффективным инструментом решения демографических вызовов и обеспечения достойного уровня пенсионного дохода. Однако их успешное функционирование требует наличия развитых финансовых рынков, эффективного регулирования и высокого уровня доверия населения.

Далее рассмотрим международный опыт функционирования накопительных пенсионных систем и оформим полученный результат в виде таблицы.

Таблица 1

Международный опыт накопительных пенсионных систем

Модель	Описание	Характеристика
Чилийская модель. Чили стала первой страной, полностью перешедшей от распределительной к накопительной пенсионной системе в 1981 году.	Основные характеристики чилийской модели: [1, с. 23] 1. Обязательные взносы в размере 10% от заработной платы; 2. Индивидуальные пенсионные счета, управляемые частными пенсионными фондами (AFP); 3. Государственные гарантии минимального уровня пенсий; 4. Возможность досрочного выхода на пенсию при достижении определенного уровня накоплений.	Результаты реформы: 1. Средняя реальная доходность пенсионных фондов составила около 8% годовых за период 1981-2010 гг.; 2. Развитие финансового рынка: активы пенсионных фондов достигли 70% ВВП; 3. Однако коэффициент замещения для многих пенсионеров оказался ниже ожидаемого.
Австралийская система обязательных суперфондов. Австралия внедрила систему	Основные характеристики австралийской модели: 1. Обязательные взносы работодателей (постепенное увеличение с 3% до 12% к 2025 году);	Достижения: 1. Активы суперфондов превышают 140% ВВП; 2. Высокий уровень охвата населения; 3. Развитая инфраструктура управления активами.

Модель	Описание	Характеристика
обязательного пенсионного обеспечения (Superannuation Guarantee) в 1992 году.	2. Широкий выбор инвестиционных опций; 3. Налоговые льготы для участников системы; 4. Сохранение государственной пенсии (Age Pension) как первого уровня.	
Шведская система условно-накопительных счетов. Швеция реформировала пенсионную систему в 1998 году, введя инновационную модель.	Основные характеристики шведской модели: 1. Распределительная система с условно-накопительными счетами (16% взносов); 2. Обязательная накопительная система премиальных пенсий (2,5% взносов); 3. Гарантированная пенсия для лиц с низкими доходами.	Особенности: 1. Автоматический балансирующий механизм; 2. Широкий выбор инвестиционных фондов (более 800); 3. Пожизненные аннуитеты с наследуемым компонентом.
Опыт стран Восточной Европы	Основные характеристики шведской модели: 1. Социальная защищённость - Государственные пенсии гарантируют базовый доход для всех граждан, снижая риск бедности среди пожилых; - Высокий уровень пенсий в странах Северной Европы (например, в Люксембурге средняя пенсия - около 70–80% от прежней зарплаты). 2. Профессиональные пенсионные схемы: - Многие работодатели предлагают дополнительные пенсионные программы (например, в Нидерландах около 90% работников охвачены такими схемами). 4. Гибкость и выбор: - Возможность комбинировать государственную, корпоративную и частную пенсии (накопительные счета, инвестиционные фонды). - Добровольное отсрочивание выхода на пенсию для увеличения выплат.	Примеры стран. 1. Германия: Трёхуровневая система (государственная, корпоративная, частная). Плюс - стабильность, минус - высокие взносы (18,6% от зарплаты); 2. Швеция: Накопительная система с индивидуальными счетами. Плюс - прозрачность, минус - зависимость от рынка; 3. Нидерланды: Сильная роль профессиональных пенсионных фондов. Плюс - высокий уровень пенсий (в среднем 100% от зарплаты), минус - риск недофинансирования из-за низких процентных ставок.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что страны ЕС постепенно переходят к смешанным моделям, усиливая накопительный компонент и повышая пенсионный возраст. Однако ключевые проблемы - старение населения и неравенство - требуют комплексных решений, включая стимулирование рождаемости, привлечение мигрантов и цифровизацию пенсионного администрирования.

Отметим так же, что развитие накопительной пенсионной системы в России определяется рядом макроэкономических факторов. Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что коэффициент демографической поддержки снизился с 1,7 в 2000 году до 1,2 в 2024 году. В России прогнозируемое дальнейшее старение населения, что

увеличивает нагрузку на распределительную систему. Существует острая необходимость диверсификации источников пенсионного дохода. [7, с. 201]

Состояние финансового рынка характеризуется снижением доходности российских эмитентов в связи с санкциями и геополитической напряженностью, ограниченным количеством качественных долгосрочных инвестиционных инструментов и высокой волатильностью и зависимостью от внешнеэкономических факторов.

Далее рассмотрим потенциальные модели развития пенсионной системы РФ и оформим полученный результат в виде таблицы.

Таблица 2

Потенциальные модели развития пенсионной системы РФ

Название модели	Описание модели	Характеристика модели
Модель 1: Возврат к обязательной накопительной системе.	Описание модели: 1. Восстановление 6% тарифа на накопительную пенсию; 2. Усиление регулирования и надзора за НПФ; [5, с. 33] 3. Расширение инвестиционных возможностей.	Преимущества: увеличение пенсионных доходов, развитие финансового рынка; Риски: снижение доходов ПФР, инвестиционные риски для граждан.
Модель 2: Развитие добровольных накопительных программ.	Описание модели: 1. Расширение налоговых льгот для участников; 2. Автоматическое включение в корпоративные программы (auto-enrollment); 3. Государственное софинансирование для низкодоходных групп.	Преимущества: сохранение добровольности, постепенное развитие; Риски: низкий охват населения, недостаточные стимулы для участия.
Модель 3: Гибридная система	Описание модели: 1. Обязательная накопительная система с пониженным тарифом (2-4%); 2. Развитие добровольного компонента с государственной поддержкой; 3. Внедрение системы пожизненных аннуитетов.	Преимущества: баланс между обязательностью и добровольностью; Риски: сложность администрирования, необходимость значительных реформ.

В связи с вышеизложенным, отметим, что по мнению автора настоящей статьи, для успешного развития накопительной системы требуется реализация следующих направлений:

1. Необходимо совершенствование регулирования на основе ужесточения требований к капиталу НПФ, внедрение системы гарантирования пенсионных накоплений, а так же повышение прозрачности инвестиционной деятельности;

2. Необходимо развитие финансовой инфраструктуры на основе расширения линейки долгосрочных инвестиционных инструментов, развития рынка корпоративных облигаций и создания специализированных инфраструктурных фондов; [2, с. 96]

3. Необходимо повышение финансовой грамотности населения России, которое должно осуществляться на основе развития образовательных программ по самостоятельному планированию и инвестированию пенсионных сбережений. Так же важна информационная поддержка граждан при выборе НПФ и развитие консультационных услуг.

На основе вышеизложенного, сформулируем рекомендации по развитию накопительной пенсионной системы в России и оформим результат в виде таблицы.

Таблица 3

Рекомендации по развитию накопительной пенсионной системы в России

Рекомендация	Описание	Характеристика
Краткосрочные меры (1-3 года)	Стабилизация регуляторной среды	1. Принятие долгосрочной стратегии развития пенсионной системы; 2. Фиксация правил функционирования накопительного компонента; 3. Усиление надзора за деятельностью НПФ.
	Повышение доходности инвестирования	1. Расширение перечня разрешенных инвестиционных инструментов; 2. Снижение ограничений на инвестирование в акции; [6, с. 87] 3. Разрешение инвестирования в зарубежные активы (в ограниченном объеме)
	Снижение издержек	1. Установление предельных размеров комиссий НПФ; 2. Стимулирование консолидации мелких фондов; 3. Внедрение электронного документооборота.
Среднесрочные меры (3-7 лет)	Модернизация институциональной структуры	1. Создание единой информационной системы учета пенсионных прав; 2. Внедрение системы пожизненных аннуитетов; 3. Развитие корпоративных пенсионных программ.
	Расширение инвестиционных возможностей	1. Развитие рынка инфраструктурных облигаций; 2. Создание специализированных пенсионных инвестиционных фондов; 3. Внедрение ESG-инвестирования.
	Повышение охвата населения	1. Внедрение механизма автоматического включения в корпоративные программы; 2. Расширение налоговых льгот для участников; [4, с. 58] 3. Развитие программ софинансирования для различных категорий граждан.
Долгосрочные меры (7-15 лет)	Структурные реформы	1. Переход к трехуровневой модели пенсионной системы; 2. Внедрение системы условно-накопительных счетов; 3. Создание интегрированной системы социального страхования.
	Развитие финансового рынка	1. Формирование развитого рынка долгосрочных инвестиций; 2. Создание пенсионных мегафондов; 3. Интеграция с международными финансовыми рынками.

На основе вышеизложенного, отметим, что российская накопительная пенсионная система находится на этапе становления и сталкивается с рядом серьезных проблем. По мнению автора, для ее успешного развития необходим комплексный подход, включающий совершенствование регулирования, развитие финансовой инфраструктуры и повышение финансовой грамотности населения.

Выводы

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что оптимальной для России представляется гибридная модель пенсионного обеспечения, сочетающая элементы обязательного и добровольного накопительного обеспечения при сохранении солидарной распределительной системы как основы пенсионного обеспечения. Такой подход позволит диверсифицировать риски, повысить устойчивость пенсионной системы и обеспечить адекватный уровень пенсионного дохода для будущих поколений пенсионеров.

По мнению автора, успех реформирования накопительной составляющей российской пенсионной системы будет во многом зависеть от политической воли, последовательности проводимых мер и способности государства обеспечить стабильную макроэкономическую среду для долгосрочного инвестирования пенсионных накоплений.

References

1. Абрамов, А. Инвестирование пенсионных накоплений в России: результаты и уроки / А. Абрамов, М. Чернова // Экономическая политика. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 8-45.
2. Бобков, В. Н. Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований / В. Н. Бобков, Пилус, Е. А. Смирнова // Российский экономический журнал. – 2024. – № 4. – С. 87-113.
3. Козлов, Н. Б. О программе долгосрочных сбережений / Н. Б. Козлов // Социальное и пенсионное право. – 2024. – № 1. – С. 30-36.
4. Куликова, Е. И. Современные тренды в развитии пенсионных систем: российский и зарубежный опыт / Е. И. Куликова, С. А. Панова // Банковское дело. – 2022. – № 1. – С. 56-60.
5. Полежаева, Н. А. Охваты накопительными пенсионными планами в странах ОЭСР / Н. А. Полежаева // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 31-42.

6. Швандар, К. В. Тенденции изменения архитектуры наиболее устойчивых многоуровневых пенсионных систем / К. В. Швандар, А. А. Анисимова, Н. Ю. Каменская // Финансовый журнал. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 82-94.

7. Шестакова, Е. Е. Современные пенсионные системы на новом этапе трансформации / Е. Е. Шестакова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 91. – С. 193-208.

UDC 33

Galiullina R.L. Operating cash flows of a commercial organization

Операционные денежные потоки коммерческой организации

Galiullina Rumiya Lizarovna,

Budgetary institution of higher education of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra "Surgut State University", Surgut

Галиуллина Румия Лизаровна,

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет», г. Сургут

Abstract. *Effective management of companies' cash flows is an important tool for improving financial performance. Proper cash flow management is vital for business sustainability. Cash flow management is primarily associated with determining an effective policy that ensures a balance between customer satisfaction and service costs. The Russian economy is unstable. High inflation and uncertainty have a fundamental impact on commercial enterprises. As a result, commercial business in Russia is in an unstable position. One of the main indicators of the problem is the state and dynamics of the enterprise's operating cash flows. Moreover, the analysis of operating cash flows is becoming the most important for the efficiency and security of the business.*

Keywords: *economic development, operating cash flows, cash flow management, commercial organization development, business efficiency, business security.*

Аннотация. Эффективное управление денежными потоками компаний является важным инструментом для повышения финансовых показателей. Надлежащее управление денежными потоками жизненно важно для устойчивости бизнеса. Управление денежными потоками в первую очередь связано с определением эффективной политики, которая обеспечивает баланс между удовлетворением потребностей клиентов и затратами на обслуживание. Экономика России не стабильна. Высокий уровень инфляции и неопределённость оказывают фундаментальное воздействие на коммерческие предприятия. Как следствие – коммерческий бизнес в России находится в неустойчивом положении. Один из главных индикаторов проблемы – состояние и динамика операционных денежных потоков предприятия. Более того, анализ операционных денежных потоков становится наиболее приоритетным для эффективности и обеспечения безопасности бизнеса.

Ключевые слова: *развитие экономики, операционные денежные потоки, управление денежными потоками, развитие коммерческой организации, эффективность бизнеса, безопасность бизнеса.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

В настоящее время большинство руководителей предприятий осознают необходимость финансового управления. Создание надёжной структуры денежных потоков и поддержание достаточного количества наличных средств на руках жизненно важно для развития любого бизнеса. Немногие бизнес-профессионалы считают, что поддержание денежных потоков важнее, чем способность бизнеса предоставлять свои услуги.

Изменения в операционной прибыли также играют важную роль. Операционная прибыль — это показатель рентабельности, который фокусируется на основных

бизнес-операциях компании. Если операционная прибыль растёт, значит, компания становится более прибыльной до вычета процентов и налогов. Однако если операционная прибыль снижается, это может существенно повлиять на денежный поток от операционной деятельности. Таким образом, анализ тенденций в операционной прибыли с течением времени может дать представление об изменениях в денежном потоке от операционной деятельности. [5, с. 724]

Амортизация, то есть постепенное списание стоимости объекта в течение срока его полезного использования, является ещё одним фактором, который может повлиять на отклонения в движении денежных средств от операционной деятельности. Поскольку амортизация — это неденежный расход, она добавляется к чистому доходу в отчёте о движении денежных средств. Таким образом, увеличение расходов на амортизацию может привести к увеличению операционного денежного потока при прочих равных условиях.

Иногда чистый денежный поток от операционной деятельности становится более надёжным показателем финансового состояния компании по сравнению с прибылью. Руководство может манипулировать чистой прибылью или "приукрашивать" ее, чтобы представить благоприятную картину прибыльности компании. Однако манипулировать денежными операциями становится сложнее. Следовательно, чистые денежные потоки считаются более надёжными, и их труднее подделать.

Кроме того, денежный поток может дать представление о ликвидности и платёжеспособности бизнеса. Даже у прибыльных компаний могут возникать проблемы с денежными потоками, если их деятельность организована неэффективно, например, если задерживается сбор дебиторской задолженности или недостаточно быстро оборачиваются запасы.

Таким образом, хотя прибыльность является важным элементом бизнеса, понимание движения денежных средств позволит получить более чёткое и непосредственное представление о повседневной работе по генерированию денежных средств и покрытию расходов. Инвесторам и менеджерам важно уделять пристальное внимание обоим показателям, чтобы обеспечить успешный и устойчивый рост бизнеса. [1, с. 157]

Денежные потоки от операционной деятельности представляют собой основную деятельность, которая генерирует большую часть денежных средств компании. Они являются результатом операций, влияющих на чистую прибыль компании, таких как продажи и расходы.

Когда компания эффективно использует ресурсы в рамках своей политики устойчивого развития, она может сократить расходы и увеличить продажи, что приводит к улучшению чистого денежного потока от операционной деятельности. По сути, это означает, что политика устойчивого развития может увеличить объём денежных средств, которые компания получает от своей обычной коммерческой деятельности.

Например, сокращая потребление энергии, компания может снизить свои расходы на коммунальные услуги; минимизируя количество отходов, она может сократить расходы на утилизацию или даже получить прибыль от продажи материалов, пригодных для вторичной переработки. Такие методы не только способствуют устойчивому развитию и ответственному ведению бизнеса, но и улучшают показатели денежного потока компании.

Таким образом, внедрение принципов корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития является стратегическим решением, которое может повысить операционную эффективность компании и принести ей финансовую выгоду. Это беспроигрышный сценарий: компании укрепляют свои позиции в области корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития, одновременно увеличивая свою прибыль. [8, с. 98]

Финансовое благополучие компании в значительной степени зависит от обеспечения баланса между двумя типами денежных потоков: притоком и оттоком. Приток денежных средств: как правило, основная часть положительного денежного потока поступает от операционной деятельности (например, платежи от клиентов), а также от финансовых поступлений, таких как доходы от инвестиций и кредиты. Операционные расходы (отток денежных средств): как правило, являются самыми дорогостоящими расходами для компании — в виде закупок у поставщиков, выплаты заработной платы, аренды и налогов. Однако, крупные компании не редко игнорируют денежные потоки, поскольку основное внимание уделяется росту и оптимизации прибыли и убытков (P&L) в ходе обычной деятельности.

Планирование денежных потоков требует практического подхода. Различные бизнес-подразделения должны быть осведомлены о важности такого подхода. Это должно привести к серьёзным изменениям в мышлении и культуре, чтобы сотрудники были готовы к этому.

Ключевые показатели эффективности (KPI) могут быть установлены для планирования денежных потоков. Это может позволить компании достигать «денежных целей», а не только «целей, ориентированных на прибыль». Это может быть очень полезно для крупных компаний, особенно для тех, которые работают как стартапы, —

постоянно планировать уровень расходов и улучшать его. Этот переход должен быть подкреплён интегрированными системами и эффективными инструментами консолидации. Кроме того, традиционная финансовая структура должна быть более приспособленной к таким системам.

Крайняя необходимость в отчётности в режиме реального времени была проиллюстрирована недавними масштабными событиями, такими как пандемия, рост инфляции и дефицит поставок. Руководителям компаний необходимо получать постоянный поток информации для принятия обоснованных решений. Ключевую роль здесь играет денежный поток (он же «кровеносная система» компании) — резкое изменение денежных потоков всегда было традиционным предупреждающим сигналом о финансовом состоянии компании. [3, с. 32]

Учитывая сложные текущие макроэкономические условия, возвращение к основам финансовой деятельности (плану движения денежных средств) только укрепит позиции компании и позволит ей пережить шторм.

Операционная деятельность представляет собой основные бизнес-операции компании. К ним относятся притоки и оттоки денежных средств, непосредственно связанные с повседневной деятельностью. К ключевым компонентам этой категории относятся:

1. Приток денежных средств:

- Выручка от продаж: денежные средства, полученные от продажи товаров или услуг.
- Полученные проценты и дивиденды: денежные средства, полученные от инвестиций
- Поступления от клиентов: денежные средства, полученные по дебиторской задолженности.
- Другие операционные поступления: любые другие денежные поступления, напрямую связанные с операционной деятельностью.

2. Отток денежных средств: [6, с. 172]

- Выплаты поставщикам и сотрудникам: оплата наличными за сырьё, рабочую силу и другие операционные расходы.
- Выплаченные проценты и налоги: выплаченные наличными проценты по долгам и подоходный налог.
- Другие операционные платежи: любые другие денежные оттоки, связанные с операционной деятельностью.

Управление денежными потоками направлено на анализ и оптимизацию денежных потоков компании для обеспечения бесперебойной работы и выполнения

краткосрочных обязательств, включая определение сроков и суммы входящих и исходящих денежных потоков. Управление денежными средствами, с другой стороны, связано с обработкой и инвестированием денежных средств компании для обеспечения ликвидности и максимизации прибыли, что включает в себя выбор инвестиций и эффективное управление банковскими счетами.

Можно выделить основные проблемные зоны при работе с денежными потоками: [4, с. 153]

1. Одной из основных причин проблем с денежными потоками является недостаточный объём продаж или прибыли. Без стабильного и достаточного дохода бизнес будет испытывать трудности с покрытием операционных расходов, таких как аренда, заработная плата и другие накладные расходы. Сезонные колебания в продажах могут усугубить эту проблему, приводя к периодам, когда отток денежных средств превышает их приток.

2. Плохое управление дебиторской и кредиторской задолженностью существенно усугубляет проблемы с денежными потоками. Неэффективная работа с дебиторской задолженностью задерживает поступление денежных средств, позволяя клиентам откладывать платежи, в то время как неэффективная работа с кредиторской задолженностью может либо ухудшить отношения с поставщиками, либо слишком быстро истощить денежные резервы. Такой дисбаланс снижает способность компании покрывать операционные расходы и инвестировать в возможности для роста, что приводит к потенциальным проблемам с денежными потоками.

3. Хранение слишком большого количества товаров на складе приводит к оттоку денежных средств, которые в противном случае можно было бы использовать для других операционных нужд или возможностей. Чрезмерное количество товаров на складе может привести к дополнительным расходам на хранение, страхование и потенциальному устареванию. Чтобы избежать ненужных ограничений в движении денежных средств, ваш бизнес должен тщательно балансировать между уровнем запасов и прогнозами спроса.

4. Крупные инвестиции в основные средства, такие как недвижимость, машины и оборудование, также могут привести к проблемам с денежными потоками, особенно в растущих компаниях. Хотя эти инвестиции часто необходимы для расширения, они требуют значительных первоначальных денежных вложений, которые могут не принести немедленной прибыли. Это может привести к истощению денежных резервов, особенно если ваш бизнес не планировал должным образом эти расходы.

5. Недостаточное планирование и прогнозирование денежных потоков является основной причиной финансовых проблем. Без четких прогнозов денежных потоков

сложно принимать обоснованные решения о расходах, инвестициях и развитии. Это может привести к несоответствию между поступающими доходами и расходами, что влечет за собой дефицит денежных средств.

6. Чрезмерная зависимость от заёмных средств для финансирования операций или роста может привести к проблемам с денежными потоками, особенно если ваш бизнес испытывает трудности с получением достаточной прибыли для покрытия выплат по долгам. Высокие проценты и выплаты по основному долгу могут быстро истощить денежные резервы, сделав финансовое положение вашего бизнеса уязвимым.

Инвесторы внимательно оценивают денежные потоки от операционной деятельности. Это дает представление о том, насколько успешно компания зарабатывает деньги на своей основной деятельности.

Этот раздел косвенно отражает конкурентное преимущество и операционную эффективность компании. Возьмём, к примеру, производственную компанию. В рамках стратегии лидерства по издержкам она преуспевает, получая прибыль за счёт продажи большего количества продукции, чем конкуренты. В то же время она работает по принципу низких затрат. Её высокие доходы и низкие затраты должны отражаться в операционных денежных потоках, если она делает это успешно.

Кроме того, при использовании стратегии дифференциации производитель взимает дополнительную плату. Несмотря на то, что объём продаж не так значителен, как при стратегии лидерства по издержкам, они могут зарабатывать много денег, поскольку имеют высокую норму прибыли. Таким образом, операционный денежный поток компании также должен это отражать. [2, с. 14]

Денежный поток компании показывает, насколько хорошо компания конвертирует прибыль в наличные. Управлять операционным денежным потоком сложнее, чем чистым доходом компании. При расчете чистого дохода учитываются неденежные статьи, такие как амортизация.

Кроме того, компания может манипулировать чистой прибылью, используя гибкость метода начисления. Например, если рост операционного денежного потока не соответствует росту выручки, компания может прибегнуть к практикам управления прибылью.

По этой причине для оценки качества прибыли компании можно сравнить чистый денежный поток от операционной деятельности с чистой прибылью. Если высокая чистая прибыль не приводит к высокому операционному денежному потоку, компания может использовать агрессивную политику признания доходов.

В идеале операционный денежный поток компании должен превышать чистую прибыль. Разброс операционных денежных потоков и чистой прибыли является важным фактором, определяющим общий риск, присущий компании.

Положительный денежный поток от операционной деятельности означает, что у компании остаются деньги на непроизводственные расходы. Например, она может использовать их для погашения долгов, выплаты дивидендов или финансирования будущего расширения.

И наоборот, если денежный поток отрицательный, компания должна полагаться на другие источники для финансирования некоторых своих видов деятельности. Это может быть выпуск долговых ценных бумаг или акций. Или продажа части основных средств. И если это продолжается долгое время, это указывает на серьёзные проблемы в бизнесе компании.

Политика управления операционными денежными потоками разрабатывается по следующим основным этапам: [7, с. 71]

1. Анализ операционных денежных потоков предприятия в предшествующем периоде;
2. Исследование факторов, влияющих на формирование операционных денежных потоков предприятия;
3. Обоснование типа политики управления операционными денежными потоками предприятия: агрессивная политика, умеренная политика или консервативная политика;
4. Выбор направлений и методов оптимизации операционных денежных потоков предприятия;
5. Планирование денежных потоков предприятия в разрезе отдельных их видов;
6. Обеспечение эффективного контроля реализации избранной политики управления операционными денежными потоками.

References

1. Андрич, О. А. Экономическая сущность оптимизации денежных потоков организации / О. А. Андрич, А. Н. Малышева, Л. В. Кочерова // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2023. – № 2(68). – С. 155-158.
2. Бондаренко, С. В. Анализ движения денежных потоков: цели и методы / С. В. Бондаренко, С. А. Ш. Довтаев, Б. М. Жужлев // Деловой вестник предпринимателя. – 2024. – № 2(16). – С. 13-15.

3. Иванова, З. А. Регулирование денежных потоков организации / З. А. Иванова, М. Г. Пикалкина, Е. И. Белякова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 1, № 1(121). – С. 30-33.
4. Кораблева, В. В. Денежные потоки корпорации и способы их оптимизации / В. В. Кораблева, В. Е. Витоженц // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № 4. – С. 149-154.
5. Османова, М. М. Формирование отчетности о движении денежных средств / М. М. Османова, Л. Н. Учакаева, Ф. Р. Рагимова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 5. – С. 722-726.
6. Оценка денежных потоков и пути их оптимизации / О. С. Горбунова, Е. М. Кот, Ю. В. Малькова [и др.] // Образование и право. – 2023. – № 5. – С. 168-174.
7. Пучкова, Е. М. Методика анализа денежных потоков коммерческой организации / Е. М. Пучкова, Д. В. Вислобоков // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт". – 2023. – № 4. – С. 68-73.
8. Сергеева, К. А. Денежные потоки предприятия / К. А. Сергеева, И. Н. Новокупова // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № 2. – С. 96-100.

UDC 33

Ignatova K.A., Sergeta A.S. Impact of increase in the Central bank key rate on the Russian economy: analysis of consequences for lending, deposits and inflation

Влияние повышения ключевой ставки Центрального банка на экономику в России:
анализ последствий для кредитования, депозитов и инфляции

Ignatova Kristina Aleksandrovna

PRUE named after G.V. Plekhanov, master's student, Moscow

Sergeta Alina Sergeevna

PRUE named after G.V. Plekhanov, master's student, Moscow

Игнатова Кристина Александровна

РЭУ им. Г.В. Плеханова, магистрант, г. Москва

Сергета Алина Сергеевна

РЭУ им. Г.В. Плеханова, магистрант, г. Москва

Abstract. In this article, the authors study the impact of changes in the key rate of the Central Bank of the Russian Federation on the Russian economy and on the main macroeconomic indicators. The transmission mechanisms of monetary policy and their impact on lending, deposits and inflation processes are analyzed. Particular attention is paid to the role of the exchange rate and energy prices in shaping the effectiveness of monetary policy. This author's study demonstrates the specific features of the Russian economy in the context of external shocks.

Keywords: key rate, monetary policy, inflation, lending, deposits, exchange rate, oil prices.

Аннотация. В рамках настоящей статьи, авторами исследуется влияние изменений ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации на экономику России и на основные макроэкономические показатели. Анализируются трансмиссионные механизмы денежно-кредитной политики и их воздействие на кредитование, депозиты и инфляционные процессы. Особое внимание уделяется роли валютного курса и цен на энергоресурсы в формировании эффективности монетарной политики. Настоящее авторское исследование демонстрирует специфические особенности российской экономики в условиях внешних шоков.

Ключевые слова: ключевая ставка, денежно-кредитная политика, инфляция, кредитование, депозиты, валютный курс, цены на нефть.

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Введение

Денежно-кредитная политика является одним из ключевых инструментов макроэкономического регулирования, а ключевая ставка центрального банка выступает основным индикатором направленности монетарной политики. По мнению авторов данной статьи, в условиях российской экономики, характеризующейся высокой зависимостью от экспорта энергоресурсов и волатильностью валютного курса, механизмы трансмиссии денежно-кредитной политики имеют свои особенности.

Банк России перешел к режиму инфляционного таргетирования в 2014 году, что совпало с периодом серьезных внешних шоков. С тех пор ключевая ставка стала основным инструментом поддержания ценовой стабильности, однако ее эффективность во многом определяется взаимодействием с другими макроэкономическими факторами.

Результаты и обсуждение

Российская экономика характеризуется рядом структурных особенностей, влияющих на эффективность денежно-кредитной политики. Прежде всего, отметим высокую зависимость экономики России от экспорта углеводородов. По мнению авторов данной статьи, в России до сих пор значительна роль валютного курса в формировании инфляции. Так же стоит отметить относительно низкий уровень финансового посредничества и высокую концентрацию банковской системы. [4, с. 261]

Настоящее исследование основано на месячных данных по следующим показателям: ключевая ставка ЦБ РФ, уровень инфляции (год к году), средневзвешенные ставки по кредитам и депозитам, курс доллара США к рублю, цены на нефть марки Brent, цены на природный газ.

Анализ данных показывает, что период с 2014 по 2024 год характеризовался высокой волатильностью ключевой ставки (данные представлены на рис. 1) [10].

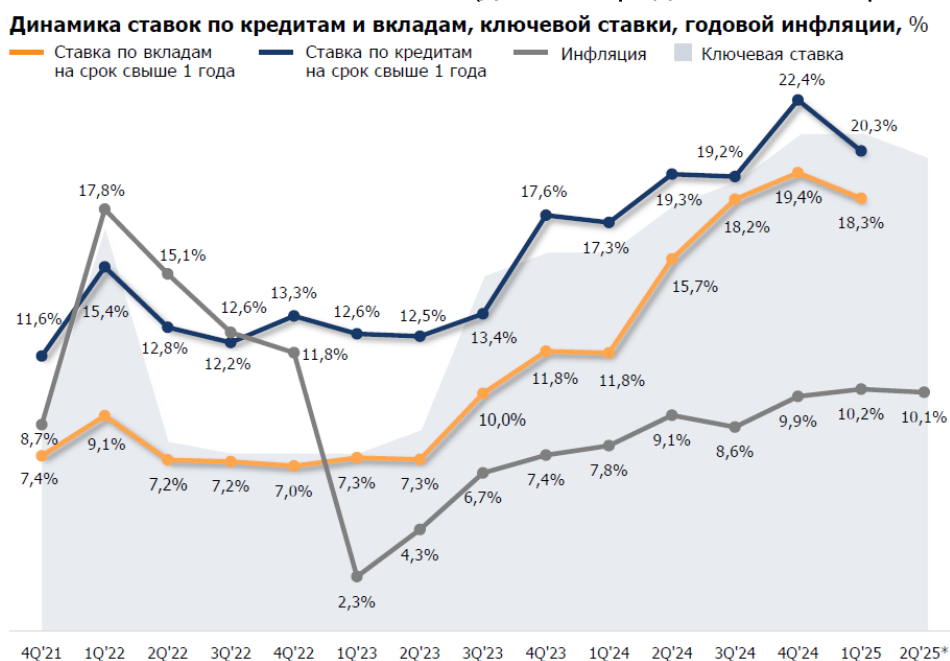

Рисунок 1. Динамика ставок по кредитам и вкладам, ключевой ставки, годовой инфляции.

На основе данных, представленных на рисунке и на сайте Центрального банка России, наиболее значительные изменения наблюдались: [2, с. 379]

- декабрь 2014 года – повышение до 17% в условиях валютного кризиса;
- 2015-2017 годы – постепенное снижение до 7,25%;
- 2018-2019 годы – умеренные колебания в диапазоне 6,5-7,75%;
- 2020 год – снижение до исторического минимума 4,25%;
- 2021-2022 годы – повышение до 20% в условиях сильнейших внешних изменений;
- 2023-2024 годы – рост до 21% в условиях ускорения инфляции.

По данным исследования АККРА «Кредитование в период высоких ставок», проведенного в 2023 году, существует значимая отрицательная корреляция между ключевой ставкой и объемами кредитования. Коэффициент корреляции составляет - 0,73 для корпоративного кредитования и -0,68 для розничного кредитования. [1]

Таким образом, отметим, что повышение ключевой ставки на 1 п.п. приводит к снижению темпов роста кредитования на 2,3-2,8 п.п. с лагом 3-6 месяцев. Эластичность корпоративного кредитования к изменению ставки выше, чем розничного. Данный эффект наиболее выражен в сегменте долгосрочного кредитования.

Влияние на депозиты.

По данным Банка России (Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов), повышение ключевой ставки оказывает положительное влияние на депозитную активность населения и предприятий. Коэффициент корреляции между ключевой ставкой и приростом депозитов составляет 0,64. Отметим, что рост ключевой ставки на 1 п.п. увеличивает приток средств на депозиты на 1,8-2,1 п.п. Данный эффект проявляется с лагом 1-2 месяца. [7, с. 83]

Влияние на инфляцию.

По данным Банка России, «Макроэкономическое прогнозирование», показывает, что повышение ключевой ставки оказывает дезинфляционное воздействие, однако эффект проявляется с существенным отставанием и зависит от внешних факторов. Отметим, что повышение ключевой ставки на 1 п.п. снижает инфляцию на 0,3-0,4 п.п. с лагом 9-12 месяцев. Так же важно уточнить, что эффективность антиинфляционного воздействия снижается при резких колебаниях валютного курса. По мнению авторов, влияние цен на энергоресурсы может нивелировать эффект от ужесточения монетарной политики. [6, с. 138]

Роль валютного курса.

Согласно оценкам Банка России, валютный курс выступает важным каналом трансмиссии денежно-кредитной политики в российской экономике. Корреляция между ключевой ставкой и курсом доллара составляет -0,52. Как было установлено в процессе исследования, повышение ключевой ставки способствует укреплению рубля в

краткосрочном периоде. Эффект валютного канала наиболее выражен в периоды внешних шоков. Укрепление рубля на 1% снижает инфляцию на 0,1-0,15 п.п. с лагом 2-3 месяца. [9, с. 355]

Влияние цен на энергоресурсы.

Цены на нефть и газ оказывают значительное влияние на эффективность денежно-кредитной политики через несколько каналов. Прежде всего, отметим бюджетный канал – изменение цен на углеводороды напрямую влияет на доходы федерального бюджета. Курс национальной валюты (рубля), влияет на торговый баланс России. Так же определенное влияние имеет инфляционный канал, который оказывает прямое воздействие на внутренние цены на энергоносители. [3, с. 225]

Таким образом, можно подвести определенный итог, на основе вышеизложенного. Прежде всего отметим, что рост цен на нефть на 10% приводит к укреплению рубля на 3-4% (по данным автора), при прочих равных условиях. Укрепление рубля, вследствие роста цен на энергоресурсы, частично компенсирует инфляционное давление. В периоды высоких цен на нефть эффективность ужесточения монетарной политики снижается.

Так же рассмотрим особенности различных периодов развития экономики России и изменения ключевой ставки ЦБ РФ.

1. Период валютного кризиса (2014-2015). Отметим, что в условиях валютного кризиса 2014-2015 годов эффективность денежно-кредитной политики была ограничена внешними шоками. Резкое повышение ключевой ставки до 17% позволило стабилизировать валютный курс, но не предотвратило рост инфляции до 15,5%; [5, с. 143]

2. Период нормализации (2016-2019). Установлено, что постепенное снижение ключевой ставки с 11% до 6,5% сопровождалось замедлением инфляции до целевого уровня 4%. Данный период характеризовался относительной стабильностью внешних условий и эффективной работой трансмиссионных механизмов; [8, с. 43]

3. Период пандемии (2020-2021). Снижение ключевой ставки до исторических минимумов (4,25%) в условиях пандемии COVID-19 поддержало экономическую активность, но впоследствии способствовало ускорению инфляции;

4. Период инфляционного давления (2022-2024). Установлено, что резкое ужесточение монетарной политики с повышением ключевой ставки до 21% стало ответом на множественные проинфляционные шоки: геополитические риски, санкции, рост внутреннего спроса.

На основе вышеизложенного, стоит отметить, что по сравнению с центральными банками развитых стран, Банк России демонстрирует более высокую волатильность

ключевой ставки, более быстрые и резкие изменения в ответ на шоки, большую зависимость от внешних факторов. [10]

Эффективность монетарной политики в России подтверждается данными, но имеет специфические особенности, связанные со структурой экономики. Валютный курс играет ключевую роль в трансмиссии денежно-кредитной политики, особенно в условиях внешних шоков. Цены на энергоресурсы значительно влияют на эффективность монетарной политики через воздействие на валютный курс и инфляционные ожидания. Лаги воздействия монетарной политики на инфляцию в России составляют 9-12 месяцев, что соответствует международной практике. Кредитный канал трансмиссии работает эффективно, особенно в сегменте корпоративного кредитования.

Выводы

Таким образом, в заключение настоящего исследования, можно сделать следующие выводы.

Проведенное исследование подтверждает эффективность ключевой ставки как основного инструмента денежно-кредитной политики в России. Однако специфические особенности российской экономики - высокая зависимость от экспорта энергоресурсов, значительная роль валютного фактора, структурные особенности финансовой системы - требуют особого подхода к проведению монетарной политики.

Как было установлено в процессе исследования, эффективность денежно-кредитной политики в России во многом определяется внешними факторами, в первую очередь ценами на энергоресурсы и геополитической ситуацией. Это подчеркивает важность диверсификации экономики и развития внутренних источников экономического роста.

Таким образом, в условиях высокой неопределенности и множественных шоков Банк России демонстрирует готовность к решительным действиям для поддержания ценовой стабильности. Однако долгосрочная эффективность монетарной политики будет зависеть от успешности структурных реформ и снижения зависимости экономики от внешних факторов.

References

1. АКРА. Влияние ключевой ставки на банковское кредитование в России. Аналитический отчет. М.: АКРА, 2023.
2. Ахмедов, Т. А. Влияние ключевой ставки ЦБ на экономическое развитие России / Т. А. Ахмедов, В. Ф. Рочев, Н. А. Шидловский // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 8(169). – С. 376-380.

3. Данилов, В. А. Влияние ключевой ставки на экономику и инфляцию в современной России / В. А. Данилов // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 9. – С. 222-228.
4. Лапаев, Д. Н. Процентный канал и инновационные механизмы Банка России / Д. Н. Лапаев, С. С. Рамазанов // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 247-264.
5. Лисицкий, А. Н. Ключевая ставка и ее роль в денежно-кредитном регулировании / А. Н. Лисицкий, Н. С. Мельникова // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 105-4. – С. 141-144.
6. Перстенева, Н. П. Анализ динамики ключевой ставки банка России как основного инструмента денежно-кредитной политики / Н. П. Перстенева, А. С. Карповец, А. О. Быкова // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 1(162). – С. 135-139.
7. Проскуряков, А. И. Перспективы экономики России в финансовом секторе в свете повышения ключевой ставки Центрального банка России / А. И. Проскуряков, А. Л. Лавлинская // Финансовый вестник. – 2024. – № 1(64). – С. 79-86.
8. Узденова, Ф. М. Влияние изменений ключевой ставки Центрального Банка на экономические показатели РФ / Ф. М. Узденова, Р. Х. Эльканов // Вопросы экономики и права. – 2023. – № 186. – С. 40-44.
9. Узденова, Ф. М. Процентная ставка Центрального банка Российской Федерации, инфляция и спрос / Ф. М. Узденова, М. И. Урусов // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2(52). – С. 353-356.
10. Банк России. Статистика. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/>
11. Росстат. Официальная статистика. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
12. Минэкономразвития России. Макроэкономические показатели. URL: <https://www.economy.gov.ru/>

UDC 33

Nemchenko A.G. Assessment of the efficiency of use of the organization's fixed capital

Оценка эффективности использования основного капитала организации

Nemchenko Anna Grigoryevna,

Master's student, BUK VO Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra
"Surgut State University", Surgut

Немченко Анна Григорьевна,

Магистрант, БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет», г. Сургут

Abstract. The article examines theoretical and practical aspects of assessing the efficiency of using fixed capital of an organization. The author analyzes the main approaches to defining the concept of fixed capital, systematizes methods for assessing the efficiency of its use, identifies factors that affect the effectiveness of using fixed assets in the economic activities of enterprises. The author's recommendations for improving the fixed capital management system are also offered.

Keywords: fixed capital, fixed assets, efficiency, return on assets, capital intensity, return on assets.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты оценки эффективности использования основного капитала организации. Автором в статье проанализированы основные подходы к определению понятия основного капитала, систематизированы методы оценки эффективности его использования, выявлены факторы, влияющие на результативность применения основных средств в хозяйственной деятельности предприятий. Так же предложены авторские рекомендации по совершенствованию системы управления основным капиталом.

Ключевые слова: основной капитал, основные средства, эффективность, фондоотдача, фондоемкость, рентабельность активов.

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Введение

В современных условиях рыночной экономики эффективное использование основного капитала является одним из ключевых факторов обеспечения конкурентоспособности и финансовой устойчивости организации. Основной капитал представляет собой значительную часть активов большинства предприятий, поэтому вопросы оптимизации его структуры и повышения эффективности использования приобретают особую актуальность. [3, с. 159]

Целью данного исследования является анализ существующих подходов к оценке эффективности использования основного капитала и разработка рекомендаций по совершенствованию системы управления основными средствами организации.

Результаты и обсуждение

Основной капитал организации представляет собой совокупность материальных и нематериальных активов, используемых в производственном процессе в течение длительного периода времени и переносящих свою стоимость на готовую продукцию постепенно, по частям, в виде амортизационных отчислений.

По мнению отечественных ученых, к основному капиталу относятся: [1, с. 56]

- здания и сооружения;
- машины и оборудование;
- транспортные средства;
- производственный и хозяйственный инвентарь;
- нематериальные активы;
- незавершенное строительство.

Отметим, что эффективность использования основного капитала характеризует степень результативности его применения в хозяйственной деятельности организации и определяется соотношением полученных результатов к затраченным ресурсам.

Для комплексной оценки эффективности использования основного капитала применяется система взаимосвязанных показателей, рассмотрим данную систему и оформим полученный результат в виде таблицы.

Таблица 1

Система показателей эффективности

Показатели	Описание (характеристика)
Показатели интенсивности использования	1. Фондоотдача (ФО): $ФО = \text{Выручка от реализации} / \text{Среднегодовая стоимость основных средств}$; 2. Фондоемкость (ФЕ): $ФЕ = \text{Среднегодовая стоимость основных средств} / \text{Выручка от реализации}$; [5, с. 369] 3. Фондовооруженность (ФВ): $ФВ = \text{Среднегодовая стоимость основных средств} / \text{Среднесписочная численность работников}$
Показатели рентабельности	1. Рентабельность основных средств (РОС): $РОС = \text{Чистая прибыль} / \text{Среднегодовая стоимость основных средств} \times 100\%$; 2. Рентабельность активов (ROA): $ROA = \text{Чистая прибыль} / \text{Среднегодовая стоимость активов} \times 100\%$.
Показатели оборачиваемости	1. Коэффициент оборачиваемости основных средств (КОос): $КОос = \text{Выручка от реализации} / \text{Среднегодовая стоимость основных средств}$; 2. Период оборота основных средств (Тос): $Тос = 365 \text{ дней} / КОос$.

Для выявления резервов повышения эффективности использования основного капитала проводится факторный анализ, позволяющий определить влияние различных факторов на изменение результативных показателей.

Таблица 2

Факторный анализ эффективности использования основного капитала

Показатели	Описание (характеристика)
Факторы, влияющие на фондоотдачу	- изменение структуры основных средств; - изменение доли активной части основных средств; - изменение фондоотдачи активной части основных средств.
Модель факторного анализа фондоотдачи	$FO = (OC_{акт} / OC) \times (B / OC_{акт}) = U_{дакт} \times FO_{акт}$ где: [2, с. 473] - $OC_{акт}$ – среднегодовая стоимость активной части основных средств; - OC – среднегодовая стоимость основных средств; - B – выручка от реализации; - $U_{дакт}$ – удельный вес активной части основных средств; - $FO_{акт}$ – фондоотдача активной части основных средств.

По мнению многих отечественных ученых, анализ эффективности использования основного капитала рекомендуется проводить в следующей последовательности: [6, с. 12]

1. Анализ динамики и структуры основного капитала: изучение изменения общей стоимости основных средств, анализ структурных сдвигов, оценка технического состояния основных средств;

2. Расчет и анализ показателей эффективности: вычисление абсолютных и относительных показателей, сравнение с плановыми значениями и показателями предыдущих периодов, сопоставление с отраслевыми нормативами;

3. Факторный анализ: выявление факторов, влияющих на изменение показателей эффективности, количественная оценка влияния факторов;

4. Выявление резервов повышения эффективности: определение неиспользованных возможностей, разработка мероприятий по улучшению использования основного капитала.

Как было установлено в процессе исследования, при проведении анализа эффективности использования основного капитала необходимо учитывать отраслевые особенности: [4, с. 47]

1. Промышленные предприятия – высокая капиталоемкость, значительная доля машин и оборудования;
2. Торговые организации – относительно низкая фондоемкость, преобладание зданий и сооружений;
3. Транспортные компании: высокий удельный вес транспортных средств;
4. IT-компании – значительная доля нематериальных активов.

Далее рассмотрим направления повышения эффективности использования основного капитала. К экстенсивным направлениям относится увеличение времени

работы оборудования, сокращение простоев, повышение коэффициента сменности, улучшение планирования производства.

К интенсивным направлениям повышения эффективности использования основного капитала, относится модернизация и техническое перевооружение, внедрение новых технологий, повышение квалификации персонала, совершенствование организации производства.

К управленческим решениям по повышению эффективности использования основного капитала, относится оптимизация структуры основного капитала, своевременное обновление морально устаревшего оборудования, развитие системы планово-предупредительного ремонта, внедрение системы контроллинга использования основных средств.

Выводы

В связи с вышеизложенным, необходимо отметить, что эффективное использование основного капитала является важнейшим условием обеспечения конкурентоспособности и финансовой устойчивости организации. По мнению автора статьи, комплексная система оценки эффективности, включающая расчет показателей интенсивности использования, рентабельности и оборачиваемости, позволяет получить объективную картину состояния и использования основных средств.

В процессе исследования установлено, что факторный анализ эффективности использования основного капитала дает возможность выявить резервы повышения результативности и разработать обоснованные управленческие решения. По мнению автора, реализация комплекса мероприятий по экстенсивному и интенсивному направлениям развития способствует оптимизации использования основного капитала и повышению общей эффективности деятельности организации.

References

1. Блажевич, О. Г. Теоретические основы сущности капитала и практические аспекты его использования на предприятиях / О. Г. Блажевич, Е. И. Воробьева, Н. С. Сафонова // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2023. – № 1(62). – С. 37-81.
2. Булатникова, Н. С. Основные средства предприятия: сущность и показатели эффективности использования / Н. С. Булатникова // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2024. – № 1-1. – С. 471-475.
3. Зироян, Р. А. Анализ эффективности использования капитала предприятия / Р. А. Зироян, А. И. Володина, И. В. Измалкова // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. – 2023. – № 1. – С. 158-160.

4. Файзиев, У. Ш. Оценка эффективности использования собственного капитала предприятия / У. Ш. Файзиев // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2024. – № 7(325). – С. 43-49.

5. Хутова, Л. А. Методика оценки эффективности использования анализа основного капитала / Л. А. Хутова, В. Ш. Расумов // Естественно-гуманитарные исследования. – 2022. – № 41(3). – С. 367-371.

6. Шагаева, Э. А. Показатели оценки эффективности использования капитала / Э. А. Шагаева, Д. Р. Баетова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 3. – С. 9-14.

UDC 005.32

Vygodskaya E.M. The phenomenon of emotional intelligence in the professional activity of a modern manager

Vygodskaya Evgeniya Markovna,

document manager Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design
Scientific adviser

Popov Y.A., senior lecturer of the Department of Economic Theory,
Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design

***Abstract.** This scientific paper analyzes the problem of studying emotional intelligence. Based on a review of sources on the research topic, the emergence and further development of the term "emotional intelligence" is considered in detail and the reasons for its rapid spread in the professional activity of a manager are revealed. Special attention is paid to the disclosure of the essence of emotional intelligence and its content. A number of programs aimed at developing emotional intelligence among managers of modern companies are being considered.*

***Keywords:** emotions, thinking, emotional intelligence, emotional states, activity, motivation, management.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Today, the ongoing changes in the social and economic spheres have determined the need for innovative development of the business community, which means increasing the effectiveness of management activities in the organization. The ability of managers to establish psychological contact; the ability to coordinate goals, actions, ideas; the ability to convince people, lead them, build conflict-free relationships and control their emotions - all of this largely determines the possibility of achieving the tactical and strategic goals set by the organization. The tasks that the manager faces involve searching for the necessary information for making managerial decisions by recognizing the emotional state, certain skills of controlling and managing one's emotional background, as well as recognizing possible manipulations on the part of the interlocutor. In addition to appropriate production and technological training, market knowledge and good orientation in many other areas, a true leader needs to understand the needs of subordinates, be able to get along with people and, most importantly, evoke an emotional response from them and maintain a positive emotional climate in the team. It is the latter abilities that allow the manager to apply all his professional knowledge for the benefit of the organization. In other words, a good leader must have emotional intelligence in

addition to purely professional competencies. That is why in the last ten years, special attention has been paid by scientists around the world to the study of this phenomenon.

Among the most outstanding results is the research of the human brain in the process of work, which became possible thanks to the latest developments in the field of optical imaging technology of brain regions. For the first time in the history of mankind, scientists were able to see exactly how this complex system of a huge mass of cells works when an individual feels, thinks, builds mental images and dreams.

In turn, emotions are essentially instant action plans that evolution has gradually instilled in humans. Emotional intelligence is the ability to develop motivation for oneself and persistently strive to achieve a goal, despite failures, to restrain impulses and postpone getting satisfaction, to control one's moods and not allow suffering to deprive oneself of the ability to think, empathize and hope [6]. Unlike the IQ with its hundred-year history, emotional intelligence is a fairly new concept that appeared at the end of the 20th century. This was dictated by the globalization of society, the state and development of the global economy. As you know, the transition from labor-intensive to information-intensive and knowledge-intensive industries and processes has changed the priorities in the organization's activities. Now a personality with flexible thinking, capable of creating intelligent products, has been brought to the fore. It is she who is still not only the carrier of knowledge, but also the intellectual capital of the organization [2].

To date, research in the field of management activities is aimed at studying the relationship between emotional intelligence and the competence characteristics of a modern manager. At the same time, not the entire range of communicative competence is mainly considered, but only those components that primarily affect the possibility of such risks such as:

- communication barriers in management activities,
- the level of conflict tolerance in cooperation with colleagues and management,
- the degree of the ability to anticipate the consequences of behavior,
- the level of understanding of the logic of the development of complex situations of interpersonal interaction and the internal motives of human behavior,
- the ability to establish contacts in the process of business communication, etc. [4].

One of the achievements obtained is the establishment of a relationship between the level of development of emotional intelligence and indicators of the communicative competence of the head of the organization. This relationship between emotional intelligence and conflict tolerance is directly proportional, confirming that the higher the managers' level of development of the first indicator, the higher the values of the second.

Thus, it can be concluded that the level of emotional intelligence development is reflected in the degree of severity of the characteristics of managers' communicative competence. Activities in this area are effective only when the skills and abilities to understand one's own emotions, as well as the emotions of others, are developed and, consequently, the communicative risks in the field of management are reduced.

In modern management, special attention is paid to a person's ability to solve not only intellectual tasks, but also to interact with colleagues, as well as build effective relationships with them. It is worth noting that emotional intelligence is to some extent more significant than the intelligence quotient (IQ). The ability to find a common language with people is considered a fairly necessary skill in both business and informal communication. At the same time, people with emotional intelligence are much more successful than those with high IQ. Since man is a social being, people show a greater desire to cooperate with those who have highly developed emotional intelligence in order to avoid stressful, "acute" situations and misunderstandings in the future.

Today, there are four main components of emotional intelligence: self-awareness, self-control, social sensitivity, and relationship management. The first two components determine how well people understand themselves, know how to manage themselves and control their feelings. The other two reflect the ability to recognize the emotions of others, manage them, and build relationships with people on this basis [3].

A modern emotionally intelligent manager is distinguished by the fact that he knows how to leave space for other team members, gives them the opportunity to open up. He is very sensitive to his emotions and those of his colleagues. Such leaders can be temperamental or, conversely, quiet and calm, but always very observant. They are attentive to the world around them and therefore clearly distinguish between their emotions and are able to evoke them at the right moment, as well as distinguish between the emotions of other people, extract important information from them, provoke them when necessary [5].

Many large companies are successfully implementing emotional intelligence quotients in their operations today. Notable examples are: Google, the military industrial corporation Lockheed Martin, the biopharmaceutical company Bristol-Myers Squibb; in educational activities: the Wharton School of Business and Yale University in the USA [1].

In these conditions, the requirements for employees also change over time. In order to succeed in the concept of the "Fourth Industrial Revolution", presented at the World Economic Forum in 2015, it is necessary to master ten essential competencies. The top three most sought-after competencies of managers include creativity, as well as negotiation and cognitive flexibility. Emotional intelligence, which was not previously included in this list, is becoming one of the main skills needed by everyone and is gaining the importance of a great competitive

advantage in the labor market, especially in the field of management. In addition, skills such as judgment, decision-making, and coordination with others are also indirectly related to emotional intelligence, which further confirms its importance in the economy of the future.

To develop emotional intelligence, a modern manager needs:

1) learn to separate yourself and emotions, presenting them as a separate phenomenon. The ability to separate emotion from oneself helps to assess the situation, make a decision and react correctly to various situations.

2) Developing self-control is a particularly important skill for managers. In order to control emotions, they need to be expressed and spoken out loud. Nonviolent communication methods help to learn how to express feelings.

3) Develop social competence, which helps to see the essence and reason of what is happening and not get involved in emotional discussions, as well as make more accurate and informed decisions. To do this, it is necessary to understand what is behind the behavior of another person.

To summarize, it should be noted that emotional intelligence allows modern managers to be more innovative and act as agents of fundamental change. It serves as a vital foundation for skills such as self-awareness, self-control, motivation, and empathy, which play an important role in achieving success. Emotional intelligence allows a leader to use different models in his leadership, but at the same time react attentively and quickly to what is happening with his team members.

Since emotional intelligence is also the ability to develop motivation for oneself and others, it makes it possible to move forward and achieve the goals set by the company. Managers who give time to learn and really listen to their employees make the most effective use of emotional intelligence as a tool in building a management strategy. Most employees appreciate this attitude and work even more effectively by listening to their leader. Researchers who specialize in studying this issue prove that outstanding managers differ from average in the level of development of emotional intelligence and the ability to continuously improve this quality.

References

1. Gorts, A. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital / A. Gorts // per. s nem. i fr. M. M. Sokol'skoi; Gos. un-t – Vysshaia shkola ekonomiki. Moskva: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshei shkoly ekonomiki, 2010. – 208 p.
2. Dobrusina, M. E., Bauer, K. V. Emotsional'nyi i intellektual'nyi menedzhment: protivostoianie ili sochetanie / M. E. Dobrusina, K. V. Bauer // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. – 2011. – no 2 (14). – pp. 73-77.

3. Drogobytskii, A. I. Emotsional'naiia sostavliaiushchaia organizatsionnogo menedzhmenta / A. I. Drogobytskii // Evraziiskii mezhdunarodnyi nauchno- analiticheskii zhurnal. – 2008. – no 3.

4. Kashikov, R. V. Emotsional'nyi intellekt kak prediktor kommunikativnoi kompetentnosti menedzhera / R. V. Kashikov // Aktual'nye problemy sovremennoi nauki. – 2013. – pp. 97-121.

5. Kiseleva, T. S. Emotsional'nyi intellekt kak resurs v upravlenii personalom / T. S. Kiseleva // Kadry predpriiatiia. 2013. – no 3.

6. Emotsional'nyi intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ / Deniel Goulman; per. s angl. A. P. Isaevoi; [nauch. red. E. Efimova]. – 11-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe. – Moskva: Mann, Ivanov i Ferber, 2021.

EDUCATION AND PEDAGOGY

UDC 37.036:004.8

Poplouxhina A.V. AI-Generated Thematic Songs as Brain Breaks: Creation and Implementation for Grades 5-7 Classroom Instruction

Создание с помощью искусственного интеллекта и применение тематических песен в
формате физминутки на уроках для учащихся 5-7 классов

Poplokhina Arina Viktorovna,

3rd year student at the Pedagogical Institute,
North-Eastern State University
Scientific supervisor

Shepileva O.E., candidate of philological sciences, associate professor,
North-Eastern State University

Поплоухина Арина Викторовна,
студентка 3 курса Педагогического института,
Северо-Восточный государственный университет
Научный руководитель
Шепилева О.Е., кандидат филологических наук, доцент,
Северо-Восточный государственный университет

Abstract. The article explores the pedagogical potential of using music-assisted physical activity breaks (fizminutki) for students in grades 5-7. It highlights an innovative approach to creating these breaks using artificial intelligence (AI) tools like SUNO for generating thematic songs. This method aims to integrate physical activity with memorization of educational content, particularly subject-specific rules.

Keywords: physical activity breaks, artificial intelligence, educational technology, cognitive development, middle school, neural networks in education, health-saving technologies.

Аннотация. В статье рассматривается педагогический потенциал применения физминутки с музыкальным сопровождением для учащихся 5–7 классов. Акцентируется внимание на инновационном подходе к их созданию с использованием инструментов искусственного интеллекта (ИИ), таких как SUNO, для генерации тематических песен. Данный метод направлен на интеграцию двигательной активности и запоминания учебного материала, в частности правил по предмету.

Ключевые слова: физминутки, искусственный интеллект, образовательные технологии, когнитивное развитие, средние классы, нейросети в образовании, здоровьесберегающие технологии.

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

В современных образовательных условиях возрастает актуальность методов, способствующих поддержанию работоспособности и психоэмоционального

благополучия учащихся. Для школьников 5–7 классов, характеризующихся повышенными психофизиологическими нагрузками, физминутки представляют собой эффективный здоровьесберегающий инструмент. Особый интерес вызывают кратковременная двигательная активность, реализованная в формате коротких песен, содержащих правила по изучаемому предмету. Сочетание ритмического текста и двигательной активности способствует активизации памяти и повышению учебной мотивации. [8][3].

Физкультминутка определяется как "кратковременное мероприятие по смене вида деятельности, направленное на предупреждение утомления, нарушений осанки и зрения обучающихся" [13, п. 10.9]. Согласно методическим рекомендациям, их оптимальная продолжительность составляет 1-2 минуты и включает 3-5 несложных упражнений для различных мышечных групп [6, с. 15].

Исследования в области педагогической физиологии подтверждают положительное влияние физкультминуток на психофизиологическое состояние учащихся: они способствуют снижению психоэмоционального напряжения, улучшению мозгового кровообращения и повышению уровня внимания в среднем на 20- 25% [16, с. 48].

Эффективность данной методики возрастает при ее тематической интеграции с содержанием урока, например, через использование ритмичных песен с учебными правилами. Ключевым преимуществом является адаптивность методики к возрастным особенностям учащихся: интенсивность и сложность упражнений могут варьироваться. При систематическом и методически грамотном применении активные физкультурная минутка становится элементом образовательной технологии, способствующим формированию комфортной и здоровьесберегающей учебной среды [8][12]. Таким образом, интеграция музыкальных динамичных пауз позволяет гармонизировать умственную и физическую активность, повышая эффективность обучения и снижая уровень стресса [20][4].

Рекомендуемая периодичность проведения физминуток – каждые 20-25 минут учебного занятия [8], поскольку на этом этапе у учащихся средних классов часто наблюдается снижение концентрации внимания. Кратковременная физическая активность способствует восстановлению работоспособности.

Важная роль в организации таких пауз отводится учителю, который выступает не только инициатором, но и активным участником процесса. Совместная деятельность способствует сплочению классного коллектива и развитию межличностных коммуникаций [3]. Использование игровых элементов, рифмованных текстов и запоминающихся мелодий, возможно, подобранных с учетом интересов учащихся,

повышает привлекательность физминуток и способствует удержанию внимания. Музыкальные разминки могут выполнять не только рекреационную функцию, но и служить инструментом для закрепления знаний: выполняя движения, учащиеся могут одновременно повторять правила или термины [8].

Такая адаптация физкультминуток представляет собой перспективную стратегию для улучшения внимания, снижения утомляемости и активизации познавательной деятельности в средних классах

Для оптимизации методики целесообразно проводить наблюдения для оценки реакции учащихся на различные типы упражнений и музыкального сопровождения. Ожидается, что грамотно подобранные активности могут способствовать улучшению концентрации и, как следствие, успеваемости. Внедрение данной практики требует инициативности и готовности к адаптации со стороны педагога.

Современная педагогика активно осваивает цифровые технологии для повышения качества образования. Одним из перспективных направлений является применение искусственного интеллекта, в частности нейросетевых алгоритмов, для создания музыкально-ритмического сопровождения учебного материала [10, с. 12]. Данная технология представляет особый интерес для организации физкультминуток, например, на уроках русского языка.

Ключевое преимущество ИИ-систем (например, Suno AI) заключается в их способности генерировать музыкальные произведения на основе текстового запроса [5, с. 34]. Педагог формулирует текстовую основу, содержащую учебный материал (например, грамматические правила), а ИИ выполняет задачи по созданию мелодии, аранжировки и вокального исполнения, экспортируя результат в аудиоформат (например, MP3). Это существенно упрощает процесс создания учебных музыкальных материалов по сравнению с традиционным подходом, требовавшим привлечения специалистов и значительных ресурсов [17, с. 89].

Современные нейросетевые алгоритмы демонстрируют высокую эффективность, выполняя за минуты задачи, на которые ранее могли уходить недели [15, с. 23]. Это предоставляет педагогам новые возможности для творческой интеграции учебного материала, например, трансформации правил в запоминающиеся музыкальные композиции [11]. Следует отметить, что многие ИИ-сервисы предоставляют ограниченное число бесплатных генераций, а для неограниченного использования требуется подписка.

Технологический процесс создания учебных музыкальных композиций предполагает несколько этапов:

Разработка текстовой основы: Педагог трансформирует учебный материал в рифмованный текст, сохраняя при этом научную корректность содержания. Пример для правила "НЕ с глаголом" (5 класс):

Текст песни «НЕ с глаголом» (Слова: Поплоухина А.В.)

Куплет 1: В нашем языке есть правило одно, / «НЕ» с глаголом — это всё просто.
/ Если глагол без «НЕ» может жить, / То с «НЕ» его нужно разделить.

Припев: Не спеши — посмотри, / На глагол изнутри / Не забудь про правило, знай
наизусть: / Если есть без «НЕ» глагол / Раздельно пишется он пусть.

Куплет 2: Не надо копать глубоко, / Если знаешь правила — будет всё легко. /
Если слово без «НЕ» не существует, / Слитно его писать — вот что нужно будет.

Важно, чтобы лингвистическое содержание сохраняло научную точность при адаптации к стихотворной форме.

Генерация музыкальной композиции: С использованием специализированных нейросетевых сервисов (например, Suno AI) текстовая основа преобразуется в песню.

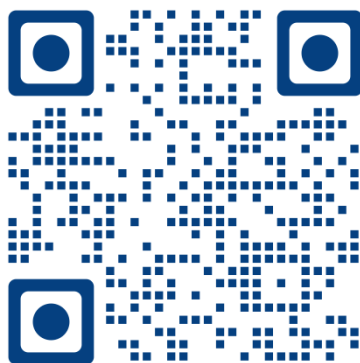

Рисунок 1. Пример AI-сгенерированной музыкальной физминутки (SUNO AI).
Сканируйте QR-код для прослушивания.

Применение на уроке: После 15-20 минут интенсивной познавательной деятельности учитель инициирует музыкальную физкультминутку. Учащиеся выполняют простые двигательные упражнения (хлопки, шаги на месте, движения руками) под ритмичную музыку с текстом, содержащим учебные правила

Эффективность данного подхода объясняется с позиций нейродидактики. Происходит мультисенсорное восприятие информации (активация слухового, зрительного и кинестетического каналов), что способствует более качественному усвоению материала [9, с. 45]. Музыкально-ритмический компонент преимущественно активизирует правое полушарие мозга, тогда как работа с лингвистическим содержанием задействует левое, создавая условия для эффективного межполушарного взаимодействия. Кроме того, двигательная активность стимулирует

кровообращение и оксигенацию (насыщение кислородом) мозга, что положительно влияет на когнитивные функции, такие как внимание и память [18].

Интеграция музыкальных физминуток, созданных с помощью инструментов искусственного интеллекта, представляет собой инновационную образовательную технологию для учащихся 5-7 классов. Данный подход сочетает преимущества здоровьесбережения (снижение утомляемости, психоэмоциональная разгрузка) с дидактическими задачами (закрепление учебного материала через мультисенсорное восприятие и двигательную активность). Использование ИИ значительно упрощает процесс создания персонализированного и тематического музыкального контента. Дальнейшие исследования могут быть направлены на количественную оценку влияния данной методики на успеваемость и долгосрочное запоминание учебного материала.

References

1. Антропова М.В. Гигиена детей и подростков : учебник. 8-е изд. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2021. 568 с.
2. Безруких М.М. Здоровьесберегающая школа. М. : Московский психолого-социальный институт, 2020. 312 с.
3. Киселева Ж.И., Валетов М.Р., Шляпникова В.В. Физкультминутки как элемент здоровьесберегающих технологий и средство закрепления программного материала // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 45-50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizkultminutki-kak-element-zdoroviesberegayuschih-tehnologiy-i-sredstvo-zakrepleniya-programmnogo-materiala> (дата обращения: 01.04.2025).
4. Киселева Ж.И., Шавшаева Л.Ю., Шляпникова В.В. Некоторые аспекты организации и методики проведения физкультурных минуток с предметами // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 2 (177). С. 123-128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-organizatsii-i-metodiki-provedeniya-fizkulturnyh-minutok-s-predmetami> (дата обращения: 01.04.2025).
5. Козлова Е.М. Нейросети в образовании: практическое применение. Новосибирск : Наука, 2023. 145 с.
6. Методические рекомендации МР 2.4.0180-20 «Физиологическое обоснование норм двигательной активности обучающихся» : утв. Роспотребнадзором 18.11.2020. М., 2020. 24 с.
7. Музыкальное образование в цифровую эпоху / под ред. Л.П. Антоновой. М. : Академия, 2022. 234 с.
8. Насонова Н.Г. Роль физкультурных минуток в формировании здорового образа жизни учащихся в начальной школе // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2012. № 2. С. 34-39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-fizkulturnyh-minutok-v-formirovani-zydorovogo-obrazazhizni-uchashchih-sya-v-nachalnoy-shkole>

minutok-v-formirovanii-zdorovogo-obraza-zhizni-uchaschihsya-v-nachalnoy-shkole (дата обращения: 04.04.2025).

9. Нейродидактика: теория и практика / под ред. М.А. Холодной. СПб. : Речь, 2022. 224 с.

10. Петрова С.Н. Искусственный интеллект в педагогике: новые горизонты. СПб. : Питер, 2023. 210 с.

11. Психология обучения и воспитания / под ред. П.Я. Гальперина. М. : Педагогика, 2021. 267 с.

12. Руднева Е.П. Динамические паузы на уроках в школе как фактор сохранения здоровья ребенка // Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2014. № 1. С. 89-94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskie-pauzy-na-urokah-v-shkole-kak-faktor-sohraneniya-zdorovya-rebenka> (дата обращения: 10.04.2025).

13. СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» : утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 2. М., 2021. 156 с.

14. Сидоров В.В. Инновационные методы преподавания русского языка. М. : ВЛАДОС, 2021. 189 с.

15. Современные образовательные технологии / под ред. Н.В. Михайловой. М. : Юрайт, 2022. 312 с.

16. Сонькин В.Д. Рациональная организация двигательного режима школьников // Физиология человека. 2019. Т. 45, № 3. С. 44-52.

17. Технологии будущего в школе: сборник статей / сост. О.И. Васильева. СПб. : РГПУ, 2023. 178 с.

18. Физиология высшей нервной деятельности / под ред. Е.Н. Соколова. М. : Аспект Пресс, 2022. 276 с.

19. Цифровая трансформация образования: монография / под ред. И.С. Башмакова. М. : ИНФРА-М, 2023. 198 с.

20. Шаповаленко Н.А., Курмачева Н.С., Пивнева Н.И. Тематические физкультминутки на уроках в начальной школе // Символ науки. 2019. № 1. С. 56-60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tematicheskie-fizkultminutki-na-urokah-v-nachalnoy-shkole> (дата обращения: 08.04.2025).

JURISPRUDENCE AND LAW

UDC 34

Kryvusha A.A. Problems of qualification of fraud in criminal law of Russia

Проблемы квалификации мошенничества в уголовном праве России

Kryvusha Anastasia Aleksandrovna,

Master's student, Department of Criminal Law Disciplines
Direction of training "lawyer in the field of criminal proceedings"
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Кривуша Анастасия Александровна,
магистрант, кафедра уголовно - правовых дисциплин
Направление подготовки "юрист в сфере уголовного судопроизводства"
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Abstract. The article presents a scientific analysis of the key issues of fraud qualification under the criminal law of the Russian Federation. The article considers the criteria for distinguishing criminally punishable fraud from civil cases, the difficulties of proving direct intent to deceive, the competition of fraud with related crimes, and analyzes modern judicial practice (including statistical data for 2022–2024). Based on the identified problems, proposals for improving legislation in the field of combating fraud are formulated.

Keywords: fraud, criminal law, qualification of crimes, deception and abuse of trust, civil dispute, intent, judicial practice, theft, related offenses, legislation.

Аннотация. В статье представлен научный анализ ключевых проблем квалификации мошенничества по уголовному праву Российской Федерации. Рассматриваются критерии отграничения уголовно наказуемого мошенничества от гражданско-правовых дел, трудности доказывания прямого умысла на обман, конкуренция состава мошенничества со смежными преступлениями, а также анализируется современная судебная практика (в том числе статистические данные 2022–2024 гг.). На основе выявленных проблем сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в сфере противодействия мошенничеству.

Ключевые слова: мошенничество, уголовное право, квалификация преступлений, обман и злоупотребление доверием, гражданско-правовой спор, умысел, судебная практика, хищение, смежные составы, законодательство.

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Мошенничество (ст. 159 УК РФ) является одним из самых распространенных преступлений против собственности в современной России. По официальным данным, только в 2023 году в стране было совершено 433 тыс. преступлений данного вида¹. Доля мошенничеств в общей структуре преступности неуклонно растёт и за последние пять лет почти удвоилась – с 12,6% до 23,3%. В 2024 году правоохранительным органам

¹ Сажнева Е., Смертин П. В 2023 году люди переводили мошенникам по 40 млн в день // Милосердие.ru. – 2024. – 14 мая. – URL: <https://www.miloserdie.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

удалось замедлить стремительный рост числа мошеннических посягательств, за 11 месяцев зарегистрировано 411,6 тыс. случаев мошенничества (рост на 3,6% к предыдущему году). Преимущественное большинство – около 85% таких преступлений – совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (телефонные и интернет-аферисты и т.д.)². Эти тенденции свидетельствуют о высокой общественной опасности мошенничества и актуальности вопросов правильной правовой оценки таких деяний.

Согласно уголовному закону РФ, мошенничеством признаётся хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, совершённое путём обмана или злоупотребления доверием. Иными словами, при мошенничестве потерпевший добровольно передаёт имущество преступнику либо не препятствует его изъятию под влиянием введения в заблуждение. Простота конструкции состава преступления скрывает сложность практической квалификации: необходимо отличать мошенничество от похожих правонарушений и неприступных деяний. На практике возникают проблемы разграничения мошенничества с сугубо гражданско-правовыми отношениями (неисполнение договоров без преступного умысла), сложности доказывания умысла на обман, а также вопросы конкуренции и отграничения мошенничества от других составов преступлений против собственности.

Данные проблемы получили освещение как в научной литературе, так и в разъяснениях высших судебных инстанций. В частности, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 48 от 30.11.2017 г. (в ред. от 15.12.2022) обобщил вопросы судебной практики по делам о мошенничестве, присвоении и растрате³. Тем не менее, правоприменительная практика все ещё сталкивается с неоднозначностью критериев квалификации мошенничества, особенно в условиях появления новых форм преступных посягательств (кибермошенничество, телефонные «разводы» и т.п.) и активного использования уголовно-правовых инструментов в предпринимательских спорах.

Цель данной статьи – провести комплексный анализ проблем квалификации мошенничества в уголовном праве РФ, выявить узкие места и противоречия судебной практики, а также предложить направления совершенствования законодательства для более четкого разграничения состава мошенничества и повышения эффективности борьбы с этим преступлением.

² Рост мошенничеств в России в 2024 году составил 3,6% // Аргументы и факты. – 2024. – 6 января. – URL: <https://www.aif.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (в ред. от 15 декабря 2022 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

Одной из ключевых проблем является отграничение уголовно наказуемого мошенничества от случаев обычного неисполнения договорных обязательств, которые должны регулироваться гражданским правом. В условиях рыночной экономики многие мошеннические схемы маскируются под гражданско-правовые сделки – договоры подряда, оказания услуг, купли-продажи и др.⁴ Однако далеко не каждое нарушение договора свидетельствует о преступлении. Главный критерий – наличие у лица изначального преступного умысла на хищение, возникшего до момента получения имущества от потерпевшего.

Если лицо добросовестно заключило договор и впоследствии не смогло выполнить обязательства по независимым обстоятельствам (например, из-за финансовых трудностей), отсутствует преднамеренный умысел на хищение – такое деяние не образует состав мошенничества, а является гражданско-правовым нарушением (деликтом). Так, если должник брал на себя обязательство вернуть заем и не вернул его без первоначального злого умысла нарушить обещание, то это гражданско-правовое правонарушение. Если же изначально он не собирался возвращать долг, используя договор лишь как прикрытие хищения, – налицо состав мошенничества.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 постановления № 48 разъяснил, что получение имущества под обязательство, которое виновный заведомо не намеревался исполнять, в результате чего причинён ущерб, должно квалифицироваться как мошенничество. Причём суды должны установить, что *«лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства»* с учётом всех обстоятельств дела. О наличии преступного умысла могут свидетельствовать, например, следующие факты: заведомое отсутствие реальной возможности исполнить договор (например, отсутствие лицензии, необходимых средств или навыков), использование поддельных документов при заключении сделки, сокрытие информации о своей неплатёжеспособности или задолженностях, а также распоряжение полученными деньгами в личных целях, вопреки условиям договора. Так, если исполнитель получил предоплату за работу и сразу потратил эти деньги на личные нужды, не собираясь приступить к выполнению заказа, – подобное поведение указывает на мошеннический умысел.

Важно подчеркнуть: даже перечисленные обстоятельства сами по себе не предрешают автоматически виновность лица в мошенничестве. Суд должен в совокупности оценивать доказательства намерения обвиняемого обмануть партнёра по договору. В практике доказывание изначального умысла является сложной задачей,

⁴ Актуальные проблемы уголовной ответственности за мошенничество // Блог юридической группы «Легис». – 2023. – URL: <https://www.legis-group.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

поскольку прямой умысел существует лишь в сознании обвиняемого и его наличие приходится устанавливать косвенными доказательствами (свидетельскими показаниями, письменными документами, перепиской сторон, финансовыми документами и т.д.). Тем не менее, для привлечения к ответственности необходимо, чтобы имелись убедительные доказательства того, что обвиняемый с самого начала договора планировал хищение⁵. Например, Верховный Суд указывает, что само по себе невыполнение договора еще не доказывает мошенничество – нужно установить, что на момент заключения сделки лицо намеревалось обмануть контрагента и обратить его имущество в свою пользу.

Таким образом, главное отличие мошенничества от добросовестного неисполнения обязательств – это время возникновения умысла. Если умысел на хищение возник до получения имущества от потерпевшего, налицо состав преступления; если же умысла не было (лицо рассчитывало исполнить договор, но не смогло), то уголовная ответственность исключается, а спор подлежит рассмотрению в гражданско-правовом порядке. Данный критерий поддерживается как судебной практикой, так и большинством ученых-правоведов.

На практике, однако, граница между гражданско-правовым спором и мошенничеством бывает размыта. Недобросовестные контрагенты порой умело скрывают свой умысел под видимостью деловых отношений, затрудняя привлечение к ответственности. С другой стороны, имеются случаи неправомерной криминализации гражданских отношений – когда потерпевшая сторона, не добившись исполнения договора, торопится обратиться в полицию с заявлением о мошенничестве, хотя изначально преступного умысла могло не быть. Органы следствия не всегда тщательно разбираются в экономической природе спора и порой возбуждают уголовные дела там, где достаточно гражданского иска. Подобная практика получила критику в связи с рисками необоснованного давления на бизнес и граждан. Для преодоления этой проблемы в 2016 г. законодатель ограничил возможность возбуждения уголовных дел о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности: такие дела были отнесены к подследственности следователей Следственного комитета и стали требовать заявления потерпевшего или иных специальных условий, чтобы предотвратить произвольное вмешательство государства в хозяйственные споры. Несмотря на эти меры, вопрос разграничения остается актуальным и требует дальнейшего совершенствования правовых механизмов, о чём пойдет речь в заключительной части статьи.

⁵ Финансовое мошенничество согласно статье 159 УК РФ // SearchInform.ru. – 2023. – URL: <https://www.searchinform.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

Как отмечено выше, установление прямого умысла на хищение является решающим для квалификации мошенничества. Однако доказать, что обвиняемый *заведомо* намеревался обмануть потерпевшего, зачастую непросто. В большинстве случаев мошенники действуют хитро, стараясь создать видимость законного поведения, что затрудняет сбор доказательств их преступного намерения.

Основные источники доказательств умысла – это фактические обстоятельства сделки и поведение обвиняемого до, во время и после получения имущества. Приведём типичные примеры, которые в совокупности могут свидетельствовать о наличии мошеннического умысла у лица:

- использование ложных сведений и представление поддельных документов при заключении договора (например, предоставление фиктивных гарантийных писем, недостоверных справок о финансовом состоянии и т.п.);
- сокрытие важной информации, которая могла бы оттолкнуть потерпевшего (например, наличие крупных долгов, судебных решений о банкротстве, ареста имущества и т.д.);
- отсутствие у лица реальных ресурсов или намерения выполнить обязательство (например, подрядчик не имеет ни работников, ни оборудования для выполнения работ, но принимает аванс);
- неисполнение обязательств без уважительных причин при одновременном распоряжении полученными средствами в личных интересах, вопреки целям договора;
- повторяемость: совершение лицом аналогичных действий с другими потерпевшими (множество эпизодов заключения договоров и невыполнения их) – это указывает на схему хищения, а не единичный бизнес-неуспех.

Верховный Суд РФ подчёркивает, что указанные признаки должны оцениваться совокупно, и окончательный вывод о наличии умысла делается судом исходя из всех обстоятельств дела. Например, сам по себе факт использования поддельного паспорта при заключении договора займа – серьёзный аргумент в пользу мошеннического умысла. Но если, скажем, обязательство не выполнено из-за объективных форс-мажорных обстоятельств (например, введение санкций, резкое изменение курса валют, пандемия и т.п.), то даже первоначальное легкомысленное отношение к договору не обязательно свидетельствует о *преступном* умысле.

Особую проблему представляет доказывание умысла на невозврат кредита в делах о мошенничестве в сфере кредитования (ст.159.1 УК РФ). Такие дела возбуждаются, как правило, по заявлениям банков в отношении заемщиков, которые получили кредит обманным путем. Здесь сложность в том, чтобы отделить преступника от добросовестного должника, оказавшегося неплатёжеспособным. Следственным

органам приходится доказывать, что заемщик брал кредит уже зная о своей неспособности или нежелании платить долг. В разъяснениях отмечается, что наиболее сложным моментом является именно доказательство существования умысла не возвращать заем еще до заключения кредитного договора⁶. В качестве доказательств могут использоваться: ложные сведения о финансовом положении заемщика, представленные в банк (справки о доходах, трудовые договоры и пр.); факты, что полученные кредитные средства сразу выведены на счета третьих лиц или использованы не по целевому назначению; установление, что заемщик вскоре после получения займа инициировал свое банкротство или скрылся. Если же будет видно, что лицо намеревалось погашать кредит (например, производило платежи, предоставляло обеспечение, шло на контакт с банком) до наступления непредвиденных трудностей – умысел на мошенничество ставится под вопрос.

Немаловажно и то, что бремя доказывания умысла лежит на обвинении. В соответствии с принципом презумпции невиновности все неустраимые сомнения трактуются в пользу обвиняемого. Поэтому, если следствию не удаётся собрать убедительные доказательства преднамеренного обмана, суд должен квалифицировать деяние не как мошенничество, а прекратить уголовное преследование, предложив сторонам разрешить конфликт в гражданском порядке. Однако на практике это реализуется не всегда – иногда лица привлекаются за мошенничество при довольно спорной доказательственной базе умысла. Для устранения подобных ситуаций Пленум ВС РФ в упомянутом постановлении № 48 особо указал: имеющиеся доказательства должны однозначно свидетельствовать о наличии прямого умысла на хищение при помощи обмана⁷. Например, если предприниматель привлёк средства под инвестиционный проект и не смог выплатить обещанный доход, еще не означает автоматически, что у него был преступный умысел – суду следует выяснить, планировал ли он с самого начала похитить деньги или потерпевшие понесли ущерб в результате предпринимательского риска.

В целом, проблема доказывания умысла при мошенничестве требует, помимо правовых, еще и методических решений – совершенствования следственных практик, использования финансовых экспертиз, анализа переписки и переговоров, психологического исследования поведения обвиняемого. Немаловажно аккуратно относиться к косвенным признакам: многие законопослушные предприниматели могут

⁶ Финансовое мошенничество согласно статье 159 УК РФ // SearchInform.ru. – 2023. – URL: <https://www.searchinform.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

⁷ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. №48 (в ред. от 15 декабря 2022 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

не иметь достаточных ресурсов или допускать просрочки, но это не делает их мошенниками без иных доказательств. Судебная система должна обеспечить баланс между защитой прав потерпевших и недопущением уголовного преследования за добросовестные неудачи в бизнесе.

Мошенничество как форма хищения посягает на собственность, поэтому его смежными (родственными) составами являются другие преступления против собственности, где тоже происходит изъятие имущества, но с отличиями в объективной стороне. Теория уголовного права относит к смежным с мошенничеством составам, в частности, следующие преступления УК РФ⁸:

- кража (ст. 158 УК РФ) – тайное хищение имущества;
- присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) – хищение имущества, вверенного виновному;
- грабёж (ст. 161 УК РФ) – открытое хищение имущества без угрозы насилием;
- разбой (ст. 162 УК РФ) – хищение с применением насилия или угрозой такового (насильственное хищение);
- вымогательство (ст. 163 УК РФ) – требование передачи имущества под угрозой насилия или иных воздействий;
- причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) – причинение ущерба без изъятия имущества (о нём отдельно ниже);
- мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1), в страховании (159.5), в сфере компьютерной информации (159.6) и иные специальные виды мошенничества, введенные законодателем;
- ряд экономических составов, где присутствует обман: например, незаконное получение кредита (ст. 176), злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185), подделка платёжных документов (ст. 187), преднамеренное и фиктивное банкротство (ст. 196–197) и т.д.

Необходимость ограничивать мошенничество от этих преступлений возникает в ситуациях, когда внешне деяние содержит признаки разных составов. Общий подход таков: следует выяснить, *каким способом и при каких обстоятельствах* похищено имущество, и в зависимости от этого определить правильную квалификацию.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 2024 г.). – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

Мошенничество и кража. По формальному определению, кража совершается тайно, без ведома собственника, а мошенничество – с согласия потерпевшего, полученным обманным путем. Казалось бы, отличия очевидны. Однако на практике встречаются казусы, осложняющие разграничение. Например, преступник может использовать обман для получения доступа к имуществу, а само хищение совершить тайно. В теории такой случай описывают как *«кражу с использованием доверительных отношений»*. Верховный Суд разъясняет, что если виновный лишь воспользовался обманом, чтобы проникнуть к имуществу, а затем тайно его похитил, содеянное следует квалифицировать как кражу, а не мошенничество. Классический пример: злоумышленник хитростью выманил у сторожа ключи от склада и ночью, никем не замеченный, вынес имущество. Тут обман послужил средством для тайного хищения – состав кражи. И наоборот, при мошенничестве деяние должно быть совершено именно путём обмана, т.е. изъятие происходит с ведома потерпевшего, пусть и введенного в заблуждение. Если преступник под ложным предлогом убеждает потерпевшего добровольно отдать ему ценности – это мошенничество, даже если всё было сделано скрытно от окружающих (тайно по отношению к третьим лицам, но не тайно от самого потерпевшего).

Мошенничество и присвоение/растрата. Основное отличие в том, что при присвоении или растрате имущество вверено виновному, т.е. изначально передано ему законно, а при мошенничестве – не вверено, преступник не имел права владеть имуществом изначально. Например, кассир торговой точки получает выручку (вверенное имущество) и похищает её – это присвоение (ст.160 УК). Если же злоумышленник представляется инкассатором и обманом получает у кассира деньги – это мошенничество. В практике иногда бывает сложно разграничить, когда имеет место присвоение, а когда мошенничество, особенно если злоумышленник злоупотребил доверием. Критерий следующий: если потерпевший передал имущество виновному под ответственное хранение, доверил по службе или договору, а тот впоследствии его похитил – состав присвоения/растраты. Если же потерпевший передал имущество, заблуждаясь относительно личности или намерений получателя – это мошенничество, так как не было действительного доверительного правового основания владения. Пленум ВС РФ (п.26) указал, что при квалификации действий лица, похитившего имущество, ему вверенное, суд должен установить, что умысел охватывал противоправность и безвозмездность обращения вверенного имущества в свою пользу. Если лицо присвоило часть вверенных ценностей, а часть растратило, все охвачено единым умыслом – содеянное квалифицируется как единое преступление по ст. 160, без

совокупности. Таким образом, граница проходит по факту вверения имущества: при наличии доверительного владения – ст. 160, при обманном получении – ст. 159.

Мошенничество и грабёж/разбой. Обычно эти составы не путают, поскольку при грабежах и разбоях применяется насилие или угроза, а при мошенничестве – обман. Однако возможно сочетание: преступники могут, например, представиться сотрудниками полиции с обыском, обманом заставить жертву выдать ценности, а если обман вскроется – применить силу. В теории приведён образный пример «*самочинного обыска*»: когда злоумышленники, лжеполицейские, убеждают жертву выдать им имущество, то если жертва добровольно отдаёт имущество, поверив в мнимые полномочия – деяние следует признать мошенничеством; если же потерпевший разгадал обман и сопротивляется, а злоумышленники силой отнимают имущество – это грабёж (открытое хищение) или разбой (если применено насилие). Таким образом, решающим критерием здесь является способ завладения: добровольность под влиянием обмана (мошенничество) либо насильственное изъятие (грабёж/разбой).

Мошенничество и ст. 165 УК РФ. Статья 165 УК РФ устанавливает ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. Вопрос разграничения с мошенничеством зачастую вызывает затруднения, так как оба состава подразумевают обман. Главный признак, отличающий мошенничество: при нём обязательно происходит изъятие (обращение) чужого имущества в пользу виновного или других лиц. В случае же ст. 165 изъятия нет – причиняется имущественный ущерб, но преступник не получает непосредственной материальной выгоды в виде чужого имущества. Типичные примеры применения ст. 165: уклонение обманным путем от уплаты за услуги или имущество, когда владение не переходит виновному. Например, клиент гостиницы, не имея денег, проживает там и скрывается, не оплатив – он причинил ущерб обманом, но не присвоил чужое имущество (услуга получена, но ничего не «взято»), это квалифицируется по ст. 165. Если же в похожей ситуации клиент похитил из номера имущество гостиницы – это уже кража или мошенничество, а не ст. 165. Таким образом, при мошенничестве виновный завладевает имуществом, при ст. 165 – лишь причиняет потерпевшему убытки (упущенная выгода, неуплаченные средства и т.п.). Пленум ВС в п. 28 постановления № 48 подтвердил: мошенничество как хищение отличается от причинения имущественного ущерба через обман тем, что в последнем отсутствует признак изъятия или обращения чужого имущества в пользу виновного.

Мошенничество и специальные составы. Закон содержит целый ряд специальных разновидностей мошенничества (ст. 159.1–159.6 УК РФ), введенных в 2012 году, а также

другие статьи, предусматривающие ответственность за обман в специфических сферах (ст. 176, 185, 195 и др.). Возникает вопрос: как квалифицировать деяние, подпадающее одновременно под общий состав мошенничества и, скажем, специальный состав? Общий принцип уголовного права – применяется специальная норма, вытесняющая общую (*lex specialis derogat generali*). Например, мошенническое получение кредита должно квалифицироваться по ст. 159.1 (мошенничество в сфере кредитования), а не по ст. 159, если установлено, что обман выражался в предоставлении ложных сведений банку при заключении кредитного договора. Однако в первые годы применения этих норм встречались случаи конкуренции, когда одно и то же деяние неверно вменяли по двум статьям. Сейчас практика в целом исходит из приоритета специального состава. Тем не менее, и здесь есть нюансы. Например, ч. 2 ст. 159.1 УК устанавливает ответственность за мошенничество в сфере кредитования, совершенное группой лиц или в крупном размере. А ч. 3 ст. 159 (общего мошенничества) – мошенничество в крупном размере. В ситуации, когда группа лиц мошеннически получает крупный кредит, применяется специальная норма (ст. 159.1 ч.2), дополнительной квалификации по общей норме не требуется. Аналогично, присвоение, сопряженное с обманом, не требует отдельного вменения мошенничества – действия полностью охватываются ст. 160 УК.

Отдельно следует отметить проблему квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Законодатель предпринимал попытки выделить такое деяние: в 2012 г. была введена ст. 159.4 УК РФ (мошенничество в предпринимательской сфере), предусматривавшая смягченные санкции (небольшие сроки лишения свободы, акцент на штрафы) для случаев преднамеренного неисполнения договорных обязательств предпринимателем.

Однако в 2014 г. Конституционный Суд РФ признал санкцию ст. 159.4 частично противоречащей Конституции (дело № 32-П от 11.12.2014) и указал, что если законодатель не исправит ситуацию, статья утратит силу⁹. В итоге ст. 159.4 УК была исключена, и на некоторое время предпринимательские мошенничества вновь квалифицировались по общим нормам. Лишь в 2016–2017 гг. законодатель решил проблему иначе: вернув нормы о мошенничестве в предпринимательской сфере, но уже как части 5, 6 и 7 ст. 159 УК РФ (специальные составы внутри общей статьи). Эти части устанавливают, что мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательства, образует состав преступления

⁹ Дадов А.Д. Проблемы квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Адвокатская газета. – 2024. – 13 мая. – URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

лишь при ущербе свыше определённой суммы (10 тыс. рублей) юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю.

Кроме того, исполнителем такого мошенничества может быть только специальный субъект – лицо, действующее в рамках предпринимательской деятельности. То есть если обман контрагента осуществил, к примеру, директор коммерческой фирмы при заключении договора, преступление квалифицируется по соответствующей части ст. 159 (ч.5, 6 или 7) как предпринимательское мошенничество. Если же то же самое сделал гражданин, не являющийся предпринимателем, – квалификация идёт по «общему» мошенничеству (ст. 159 ч. 3 или 4, в зависимости от ущерба). Несмотря на эти уточнения, на практике иногда встречаются случаи неправильной квалификации. Так, отмечалось, что некоторые следователи инкриминируют предпринимателям общую норму (ст. 159 ч. 4 – мошенничество в особо крупном размере), игнорируя специальные предпринимательские части, что ведёт к более суровому наказанию и нарушает принцип справедливости. Судебная практика постепенно устраняет такие ошибки, используя разъяснения Пленума ВС РФ 2017 г., где прямо указано на необходимость квалифицировать *преднамеренное неисполнение предпринимательского договора* под соответствующими частями ст. 159 УК.

Таким образом, конкурирующие составы с мошенничеством отличаются способом совершения и юридическими признаками: тайность (кража) или насилие (грабёж, разбой) исключают состав мошенничества; наличие доверительного владения (присвоение) противопоставляется обманному получению (мошенничество); отсутствие изъятия имущества (ст. 165) отличает от хищения; специальные составы (кредитное, страховое мошенничество и др.) вытесняют общий. Знание и правильное применение этих критериев позволяет органам расследования и судам верно квалифицировать содеянное, избегая ошибок *двойной квалификации* или, напротив, пробелов в ответственности.

Проблемы квалификации мошенничества в уголовном праве РФ обусловлены сложностью этой категории дел и эволюцией мошеннических схем. Проведенный анализ показал, что основные трудности возникают при проведении грани между гражданско-правовым деликтом и преступлением, при доказательстве наличия прямого умысла на обман, а также при соотношении мошенничества с другими преступлениями против собственности. Верховный Суд РФ своими постановлениями пытается сгладить острые углы, предлагая критерии разграничения и толкования закона. Однако жизнь выдвигает новые вызовы – цифровизация экономики породила всплеск кибермошенничеств, требующих адаптации законодательства и практики.

Для обеспечения единообразия правоприменения и защиты прав как потерпевших, так и обвиняемых, законодательству необходимы точечные изменения: формализация критериев, устранение неопределенностей, обновление устаревших норм. Реализация предложенных мер – от повышения порогов ущерба до введения фильтров против необоснованного уголовного преследования – направлена на то, чтобы уголовный закон о мошенничестве применялся строго по назначению. Мошенники должны неотвратимо нести ответственность, тогда как добросовестные участники гражданского оборота – быть защищены от уголовного вмешательства в случае предпринимательского риска или невыполнения обязательства без злого умысла.

Дальнейшее развитие научных исследований и анализ судебной практики в этой сфере будут способствовать тонкой настройке уголовного законодательства. В конечном итоге, цель состоит в достижении баланса: закон о мошенничестве должен быть достаточно строгим, чтобы служить барьером для злоумышленников, и одновременно достаточно ясным, чтобы исключать расширительное толкование и субъективизм. Решение обозначенных проблем квалификации мошенничества будет способствовать укреплению правопорядка, защите собственности и доверию участников экономических отношений.

References

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 2024 г.). – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2025).
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (в ред. от 15 декабря 2022 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2025).
3. О проверке конституционности ст. 159.4 УК РФ: постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2025).
4. Дадов А.Д. Проблемы квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Адвокатская газета. – 2024. – 13 мая. – URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 13.03.2025).
5. Сажнева Е., Смертин П. В 2023 году люди переводили мошенникам по 40 млн в день // Милосердие.ru. – 2024. – 14 мая. – URL: <https://www.miloserdie.ru> (дата обращения: 13.03.2025).
6. Рост мошенничеств в России в 2024 году составил 3,6% // Аргументы и факты. – 2024. – 6 января. – URL: <https://www.aif.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

7. Финансовое мошенничество согласно статье 159 УК РФ // SearchInform.ru. – 2023. – URL: <https://www.searchinform.ru> (дата обращения: 13.03.2025).
8. Актуальные проблемы уголовной ответственности за мошенничество // Блог юридической группы «Легис». – 2023. – URL: <https://www.legis-group.ru> (дата обращения: 13.03.2025).
9. Гарбатович Д.А. Мошенничество: критерии отграничения единого продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Уголовное право. – 2023. – № 5. – URL: <https://www.consultant.ru> (цит. по СПС КонсультантПлюс; дата обращения: 13.03.2025).

UDC 347

Shaboltaï Z.N., Khudyakov I.A., Krylova Yu.O. The doctrine of "removing the corporate veil" in Russian law

Доктрина «снятия корпоративной вуали» в российском праве

Shaboltaï Zakhar Nikolaevich,

Law student,
Southwestern State University

Khudyakov Ivan Andreevich,

Law student
Southwestern State University,

Krylova Yulia Olegovna,

Law student
Southwestern State University
Шаболтай Захар Николаевич,
Студент юридического факультета
Юго-западный государственный университет
Худяков Иван Андреевич,
Студент юридического факультета
Юго-западный государственный университет
Крылова Юлия Олеговна,
Студент юридического факультета
Юго-западный государственный университет

Abstract. *In this paper, the authors have attempted to study the application of the doctrine of "removing the corporate veil" in the Russian legal order and in Russian judicial practice.*

Keywords: *society, law, responsibility, norm, corporation*

Аннотация. *В настоящей работе авторы предприняли попытку исследования применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в российской правовой системе, в российской судебной практике.*

Ключевые слова: *общество, право, ответственность, норма, корпорация*

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Актуальность исследования доктрины «снятия корпоративной вуали» подтверждается тем, что согласно сведениям издательства «Коммерсант», на фоне снижения общего числа банкротств юридических лиц в России растёт количество исков о привлечении к субсидиарной ответственности. За 2016 год подано 2699 таких исков, за 2017-й – 3652, за 2018-й – 5107, за 2019-й – 6103. В 2022 году в России было подано 7259 исков о привлечении к субсидиарной ответственности. Из них было удовлетворено 47%. В 2024 году было подано 6248 заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, что на 4% меньше, чем в 2023 году, когда было подано 6475 заявлений.

Таким образом, судебные производства, в которых непосредственно происходит «снятие корпоративной вуали» занимают существенное количество от общего числа всех судебных процессов. Ответственность лиц, контролирующих должника по его обязательства является одним из основных, и самых популярных способов восстановления прав и законных интересов кредиторов.

Доктрина снятия «корпоративной вуали» - правовое явление, возникшее в Соединённых Штатах Америки, и получившее применение почти во всех действующих правовых системах мира. Прежде чем, говорить о снятии корпоративной вуали, необходимо определить, что следует понимать, под корпоративной вуалью.

Действующий принцип ограниченной ответственности, существующий во многих правовых системах капиталистического мира и позволяющий создавать юридические лица, отвечающие обособленным имуществом по своим обязательствам, является правообразующей основой понятия «корпоративной вуали». Таким образом, «корпоративная вуаль» - это злоупотребление правом ограниченной ответственности.

В целях исследования «доктрины снятия корпоративной вуали» необходимо изучить понятие аффилированности, под которой, согласно ст. 53.2 Гражданского кодекса Российской Федерации принято понимать связанность лиц между собой[1].

Аффилированность может устанавливаться из юридических обстоятельств. Аффилированность близких родственников, бизнес-партнеров, являющихся участниками других обществ, предполагается. При этом, аффилированность может доказываться иными, не юридическими, а фактическими обстоятельствами. Так, в случае если между участниками предпринимательской деятельности заключались сделки, не отвечающие рыночным отношениям, например, договоры дарения, или купли-продажи, с ценой товара ниже рыночной, договоры беспроцентных займов, указанное также может свидетельствовать об аффилированности сторон. Указанное подтверждается сформированной отечественной практикой. Так, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2016 N 308-ЭС16-1475 была сформирована правовая позиция, согласно которой общность экономических интересов подтверждается фактической аффилированностью.

Наличие фактической связанности лиц подтверждается, например, возможностью вступать в такие гражданско-правовые отношения, которые недоступны другим участникам рыночных отношений. Данная правовая позиция была сформулирована в определении Верховного Суда от 26.05.2017 N 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015.

В этом же судебном акте, при рассмотрении заявления конкурсного управляющего о признании сделок недействительными, при установлении наличия или

отсутствия связанности между сторонами были исследованы в качестве доказательств фотографии из мессенджеров WhatsUp, Вконтакте, на основании которых судом было установлено наличие аффилированности.

В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 16.08.2021 N Ф05-17640/2020 по делу N А40-35533/18 были исследованы нотариально зафиксированные скриншоты с профильной страницы в социальной сети, на которой была размещена фотография должника и связанного с ним лица. Судом первой инстанции был сделан вывод о наличии между сторонами дружеских отношений, в связи с чем были удовлетворены заявления финансового управляющего и кредиторов.

Более того, установление фактической аффилированности между сторонами возможно при исследовании данных мест рождения, жительства, совпадений фамилии, имени и отчества, участия в юридических лицах, наличия общих детей, трудовых отношений, представления интересов одних и тех же лиц, общей направленности действий. Данная правовая позиция изложена в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.11.2020 N Ф07-11057/2020 по делу N А21-5863/2016.

Впервые понятие аффилированности в российском праве появилось в статье 4. Закона РСФСР от 22.03.1991 N 948-1 (ред. от 26.07.2006) "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках".

К аффилированным лицам также относятся выгодоприобретатели обществ. Бенефициар является аффилированным лицом общества, не смотря на отсутствие юридических и фактических доказательств аффилированности. [2]

При этом, аффилированность не всегда является доказательством злоупотребления правом и причинения вреда кредиторам.

Так, в деле о банкротстве гражданки Ивановой П.Б. финансовым управляющим было подано заявление о признании договора займа между должником и ее отцом недействительным. Однако, в ходе судебного разбирательства было установлено, что денежные средства по договору займа реально были переданы должнику, и в течение шести месяцев с момента выдачи займа должник исполнял принятые на себя обязательства по оплате процентов. В удовлетворении заявления финансового управляющего судом первой инстанции было отказано, не смотря на юридически установленный факт аффилированности должника и кредитора.

Таким образом, аффилированность – наличие связанности между лицами, может устанавливаться не только юридическими фактами, но и цепочками косвенных фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии взаимоотношений. Изложенными способами доказываемся связанность участников предпринимательской деятельности, которые злоупотребили своим правом ограниченной ответственности и

причинили вред кредиторам.

На практике под корпоративной вуалью понимают построение бизнеса через номинальных, аффилированных лиц, создание условий, при которых нельзя определить конечного бенефициара организации. Создание такой «корпоративной оболочки», не позволяющей кредиторам оценить реальные риски взаимодействия с подобной организацией, приводят к тому, что законодатель вынужден создавать эффективные механизмы восстановления прав и законных интересов кредиторов.

Подобный «корпоративный щит» создается предпринимателями с целью не исполнять принятые на себя обязательства, избежать гражданско-правовой ответственности.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» создаёт такие условия, при которых возможно привлечь к гражданско-правовой ответственности лицо, фактически контролирующее действия должника, по обязательствам последнего. Данная концепция позволяет не применять принцип «ограниченной ответственности», или скорее отойти от его действия.

Исследование понятия доктрины «снятие корпоративной вуали» необходимо произвести под призмой п. 2 ст. 56 Гражданского кодекса российской Федерации, согласно которому учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом или другим законом.

Данная норма, сама содержит возможность наличия исключений, при которых принцип «ограниченной ответственности» перестаёт действовать. Так, указание на то, что «за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом или другим законом» учредитель не несет ответственности по обязательствам юридического лица позволяет привлекать его к гражданско-правовой ответственности по долгам лица, участником, учредителем или лицом, контролирующим которое он является [3].

Отхождение от принципа «ограниченной ответственности» согласно российскому законодательству возможно в исключительных случаях, в том числе в случае банкротства дочернего общества по вине основного хозяйственного товарищества или общества. В таком случае последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам. Данная норма, установлена п. 2 ст. 67.3 Гражданского кодекса российской Федерации.

Также, законодатель к исключительным случаям, при которых возможно неприменение принципа «ограниченной ответственности» относится банкротство юридического лиц по вине его контролирующих лиц. Данная правовая возможность

отражена в п.61.11 Закона о банкротстве.

Более того, судебной практикой подтверждается наличие и прочих обстоятельств при которых возможно привлечение лиц к ответственности по обязательствам общества, участником, учредителем которого они являются. Так, 10.04.2025 года Верховный суд Российской Федерации в правовой позиции, изложенной в определении № 308-ЭС24-21242 подтверждает, что возможного привлечение к ответственности участника, учредителя, руководителя «брошенного» лица.

Согласно постановлению Верховного суда Российской Федерации признаками недействующего юридического лица, созданного в организационно-правовой форме, предусматривающей активное участие в гражданском обороте для осуществления приносящей доход деятельности, являются следующие (пункт 1 статьи 64.2 ГК РФ, пункт 1 статьи 21.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей"): длительное (более одного года) непредставление документов отчетности, предусмотренных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах; длительное (более одного года) отсутствие операций хотя бы по одному банковскому счету. Кроме того, во внимание могут быть приняты и иные обстоятельства, например, недостоверные сведения о юридическом лице (несоответствие фактических данных тем, что имеются в регистрационных документах).

Таким образом, «снятие корпоративной вуали», то есть отхождение от принципа ограниченной ответственности возможно в исключительных обстоятельствах, предусмотренных законом.

При этом, неприменение принципа ограниченной ответственности возможно только в случае наличия связи между обществом-должником и контролирующим его лицом. Указанное обстоятельство не позволяет привлекать к ответственности лиц, которые не имеют связей –отношений с обществом-должником, но с очевидной достоверностью является выгодоприобретателем данного общества.

В судебной практике доктрина «снятия корпоративной вуали» получила широкое применение. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 №16404/11 установило основные принципы и методы практического применения доктрины «снятия корпоративной вуали».

Согласно материалам данного дела общество с ограниченной ответственностью «Олим****» обратилось в арбитражный суд Российской Федерации с исковым заявлением о расторжении договоров обслуживания вкладов Ка**** В. к АО Пар*** Банк (Ответчик -1) и Цит**** Банк (Ответчик – 2), а также истцом было заявлено требование о взыскании с Ответчика – 1 и Ответчика – 2 внесенных вкладов и процентов по ним.

Общество с ограниченной ответственностью ««Олим****» свои исковые требования обосновывало тем, что Ответчик – 1, намеренно осуществил реорганизацию юридического лица в форме выделения, и разделил все имеющиеся активы общества на «центр доходов» и центр расходов», то есть произвел обособление ликвидного имущества и прочих активов в АО Цит**** Банк, чем намеренно причинил финансовые убытки кредиторам.

Ответчики же ссылались на следующие: АО Цит**** Банк и АО Пар*** Банк являются представительствами третьих лиц – Акционерного общества управления вложениями «Цитад*** Асс** Менеджм***», ответчиками были предоставлены следующие доказательства: свидетельств о внесении в сводный реестр аккредитованных на территории Российской Федерации представительств иностранных компаний представительства акционерного общества «Цитад*** Асс** Менеджм***».

В Постановлении Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 N 16404/11. Суд указал, что филиал (представительство) считается существующим, даже если юридическое лицо не имеет собственного юридически оформленного подразделения на территории иностранного государства, но тем не менее ведет деятельность на данной территории через независимую компанию со сходным наименованием, которая заключает сделки от своего имени и фактически выступает в качестве подразделения этого юридического лица (доктрина "срывания корпоративной вуали").

References

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. I. СПС «КонсультантПлюс».
3. Покровский С.С. Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 7. СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 24 апреля 2012 г. № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184 // СПС «КонсультантПлюс».

UDC 343.54

Shevchenko A.S. Problems of qualification of indecent acts (article 135 of the criminal code of the Russian Federation) and the directions of improvement of criminal law norms

Проблемы квалификации развратных действий (ст. 135 УК РФ) и направления совершенствования уголовно-правовых норм

Shevchenko Anna Sergeevna,

Master's student, Department of Criminal Law Disciplines

Course of study – lawyer in the field of criminal justice

Lebedev Russian State University of Justice

Шевченко Анна Сергеевна,

магистрант, кафедра уголовно - правовых дисциплин

Направление подготовки – юрист в сфере уголовного судопроизводства

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Abstract. *The article discusses the problems of qualification of indecent acts against minors under Article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study focuses on legal gaps related to the lack of a clear legislative distinction between actions with and without physical contact, as well as contradictions in the sanctions of Articles 134 and 135 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to modern challenges, such as remote forms of indecent acts via the Internet and instant messengers, which are not reflected in the current version of the law, which leads to heterogeneous judicial practice and an ambiguous interpretation of the norm. The paper analyzes examples of court cases demonstrating the need to clarify the corpus delicti and include in the disposition of article 135 a qualifying feature – committing lewd acts using information and telecommunication networks. The paper proposes to systematize the criminal legal protection of minors, assigning responsibility for all forms of sexual acts with physical contact to article 134, and for remote actions aimed at sexualizing a child to article 135. The conclusion is made about the need to reform legislation to increase the effectiveness of protection of sexual integrity of minors.*

Keywords: *indecent acts, minors, criminal law, crimes, sexual integrity, qualifications, law enforcement practice, legislation, protection of children.*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации развратных действий в отношении несовершеннолетних по статье 135 Уголовного кодекса Российской Федерации. В исследовании акцентируется внимание на правовых пробелах, связанных с отсутствием четкого законодательного разграничения между действиями с физическим контактом и без него, а также на противоречиях в санкциях статей 134 и 135 УК РФ. Особое внимание уделяется современным вызовам, таким как дистанционные формы развратных действий через интернет и мессенджеры, которые не отражены в действующей редакции закона, что приводит к неоднородной судебной практике и неоднозначному толкованию нормы. В работе анализируются примеры судебных дел, демонстрирующих необходимость уточнения состава преступления и включения в диспозицию статьи 135 квалифицирующего признака – совершения развратных действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В работе предлагается систематизировать уголовно-правовую защиту несовершеннолетних, закрепив за статьей 134 ответственность за все формы сексуальных действий с физическим контактом, а за статьей 135 – за дистанционные действия, направленные на сексуализацию ребенка. Сделан вывод о необходимости реформирования законодательства для повышения эффективности защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Ключевые слова: *развратные действия, несовершеннолетние, уголовное право, преступления, половая неприкосновенность, квалификация, правоприменительная практика, законодательство, защита детей.*

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Современное общество все чаще сталкивается с необходимостью пересмотра подходов к обеспечению безопасности личности, особенно в контексте защиты несовершеннолетних. В условиях растущей тревожности по поводу сексуальных преступлений в отношении детей усиливается потребность в более действенных механизмах правового реагирования.

Вопрос обеспечения прав и законных интересов личности в сфере сексуальных отношений в последние годы вызывает все больше общественного интереса. Это связано, в том числе, с увеличением количества преступлений данной категории в общей структуре российской преступности, усложнением способов их совершения и, что особенно опасно, уменьшением возраста как потерпевших, так и правонарушителей. Наиболее острой проблемой остается рост преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних. По данным Следственного комитета Российской Федерации, за последние пять лет в стране отмечен прирост таких преступлений на 20 % [4].

Особую актуальность эта тема приобретает в связи с необходимостью защиты детей – самой незащищенной категории граждан. Именно поэтому внимание уделяется вопросам повышения эффективности уголовного законодательства в данной сфере, в частности усилению ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

В центре внимания находятся нормы, предусмотренные статьями 134 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Первая из них устанавливает ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, вторая – за развратные действия в отношении той же возрастной группы. Правоприменительная практика показывает необходимость более точной и гибкой правовой регламентации, учитывающей как возрастные особенности потерпевших, так и обстоятельства совершения противоправных деяний.

Все чаще совершаются преступления, в которых несовершеннолетние становятся жертвами сексуальных посягательств в том числе через Интернет-платформы и мессенджеры. Это создает дополнительную нагрузку на правоохранительные органы и требует от законодателя оперативного реагирования. Кроме того, интерпретация норм оставляет множество пробелов в правоприменении. Это непосредственно указывает на необходимость усовершенствования уголовно-правовых норм, направленных на защиту несовершеннолетних, требует системного подхода.

Одной из проблем, возникающих при юридической квалификации развратных действий, является недостаточная точность формулировок, содержащихся в законодательстве. В частности, на нормативном уровне отсутствует четкое описание способов совершения таких деяний, а также не учитываются возрастные особенности потерпевших. Так, согласно части 1 статьи 135 УК РФ, ключевым элементом объективной стороны преступления, заключающегося в совершении развратных действий, является отсутствие применения физического насилия со стороны виновного. Это означает, что при наличии насильственного компонента действия утрачивают признаки, характерные для состава преступления, предусмотренного указанной статьей, и требуют квалификации по другим нормам уголовного закона – например, по статьям 131 или 132 УК РФ. В противном случае возникает ситуация, при которой деяние может не рассматриваться как уголовно наказуемое.

Анализ судебной практики по делам, связанным с применением статьи 135 УК РФ, свидетельствует о том, что к развратным действиям часто относят, в частности, демонстрацию половых органов или показ порнографических материалов несовершеннолетнему [2]. Однако важно подчеркнуть, что такие действия подпадают под действие нормы лишь при отсутствии насильственного элемента. Следовательно, случаи, в которых обнажение совмещается с применением физической силы или склонением несовершеннолетнего к восприятию порнографического контента посредством насилия, не соответствуют признакам, установленным статьей 135 УК РФ, и не охватываются другими нормами действующего уголовного законодательства.

На основании изложенного можно прийти к выводу о наличии серьезного пробела в уголовно-правовом регулировании в сфере защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних. Отсутствие четкой законодательной дифференциации способов совершения развратных действий и неурегулированность случаев, сопровождающихся насилием, создают правовую неопределенность и препятствуют эффективному правоприменению. В этой связи представляется целесообразным внесение изменений в уголовное законодательство с целью конкретизации признаков состава преступления и повышения уровня защиты несовершеннолетних от сексуализированного насилия.

Еще одной актуальной проблемой являются современные технологии, создающие новые угрозы: развратные действия с несовершеннолетними все чаще совершаются дистанционно – через Интернет и мессенджеры, без физического контакта [5]. Правонарушители используют цифровые средства для поиска жертв, манипулирования ими и сокрытия своей личности: изменяют аккаунты, меняют IP-адреса, оставаясь недоступными для расследования. Однако, Уголовный кодекс не отражает этих реалий: ст. 135 УК РФ не содержит указания на онлайн-состав таких преступлений. Это создает

нормативный пробел и порождает неоднородную судебную практику, где виртуальные проявления разврата иногда квалифицируются по разным статьям, включая 135, 242.2 и даже 132 УК РФ – без четкого разграничения.

Так, в Пензенской области в 2015–2017 годах суд рассмотрел дело в отношении мужчины, который через социальные сети вступал в переписку с подростками, рассылал им интимные фотографии и добивался от них аналогичных материалов, угрожая разглашением полученного [6]. Несмотря на отсутствие физического взаимодействия, его действия были квалифицированы как развратные по ч. 3 ст. 135 УК РФ, а также как насильственные действия сексуального характера по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Суд принял во внимание, что обвиняемый целенаправленно воздействовал на психику несовершеннолетних с целью сексуального удовлетворения, используя средства удаленной коммуникации, что приравнивается к прямому воздействию на потерпевших.

Аналогичная позиция была выражена и в деле, рассмотренном Верховным Судом РФ в 2020 году. Житель Красноярска устанавливал контакт с девочками 12–13 лет через Интернет, предлагал встретиться с целью интимной близости. Несмотря на то, что встреча не состоялась, суд квалифицировал его действия по ч. 4 ст. 135 УК РФ. Верховный Суд указал, что само установление и развитие общения с целью сексуального вовлечения несовершеннолетнего уже является составом развратных действий, даже при отсутствии телесного контакта [3]. Тем самым суд фактически расширил содержание диспозиции статьи, обосновав это общественной опасностью подобных форм поведения.

Данные прецеденты демонстрируют, что суды вынужденно интерпретируют ст. 135 УК РФ расширительно, компенсируя тем самым пробел в законодательстве. Однако такая практика не может считаться устойчивой правовой гарантией – при отсутствии четкого законодательного регулирования существует риск как произвольного правоприменения, так и невозможности привлечения к ответственности за подобные действия в иных случаях. Это особенно критично в условиях стремительного роста преступлений, совершаемых через Интернет, и повышенного внимания к защите прав несовершеннолетних.

В связи с этим назрела необходимость официального включения в диспозицию статьи 135 УК РФ квалифицирующего признака – совершения развратных действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет. Это бы закрепило уже сложившуюся судебную практику на уровне закона, устранило бы неопределенность в правоприменении и способствовало бы более строгой уголовной ответственности за подобные деяния. Также целесообразно исключить из текста статьи

указание на отсутствие насилия как обязательного признака состава преступления, заменив его более точной формулировкой, разграничивающей действия, содержащие признаки насильственного воздействия, и действия, попадающие под регулирование статей 131–134 УК РФ.

Из анализа уголовных норм и судебных разъяснений следует, что ст. 134 УК РФ охватывает исключительно действия с физическим контактом, тогда как ст. 135 УК РФ применяется как к телесным, так и к дистанционным, «бестелесным» формам сексуального взаимодействия [1]. В связи с этим закономерно возникает вопрос: почему за некоторые формы полового контакта, совершенные добровольно, предусмотрена более строгая санкция, чем за действия, которые могут причинить такую же или даже большую травму несовершеннолетнему, но не сопряжены с непосредственным физическим контактом.

В.В. Романова обращала внимание на противоречивость санкций и необходимость устранения несоответствий в квалификации подобных преступлений. Тем не менее, законодатель по-прежнему не урегулировал это расхождение, в результате чего возникает парадоксальная ситуация: например, добровольное половое сношение взрослого мужчины с 15-летней девушкой по ст. 134 УК РФ влечет до четырех лет лишения свободы, в то время как анальный половой акт с тем же несовершеннолетним, квалифицированный по ст. 135 УК РФ, может повлечь не более трех лет [8]. Это проявление так называемого «остаточного принципа», когда ст. 135 УК РФ выступает в роли «факультативной» нормы, охватывающей те действия, которые не были прямо предусмотрены ст. 134 УК РФ.

Кроме того, на практике именно диспозиция ст. 134 УК РФ определяет границы применения ст. 135, а не наоборот, что приводит к путанице в квалификации преступлений. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды, не имея достаточных законодательных ориентиров, зачастую вынуждены прибегать к расширительному толкованию указанных норм, включая в сферу действия ст. 135 УК РФ даже те случаи, которые объективно ближе к составу ст. 134, но формально не подпадают под него из-за отсутствия вагинального полового акта [9].

На доктринальном уровне А.В. Мотин предложил систематизировать уголовно-правовую защиту половой неприкосновенности несовершеннолетних, предложив перераспределение состава преступления. В частности, в ст. 134 УК РФ предлагается предусмотреть ответственность за любые действия сексуального характера, имеющие физический контакт с телом несовершеннолетнего, независимо от их вида (половое сношение, анальный или оральный секс и т.д.). В то же время в ст. 135 УК РФ предлагается оставить исключительно ответственность за развратные действия без

физического контакта, то есть действия, направленные на возбуждение или сексуальное вовлечение, совершаемые через Интернет или иными дистанционными средствами [7]. Обязательным элементом состава таких преступлений в этом случае должна стать цель сексуального удовлетворения или формирования интереса к сексу у потерпевшего.

На сегодняшний день ситуация остается неурегулированной. В действующей редакции уголовного закона отсутствует четкое разделение по признаку телесного контакта, что обуславливает неравномерность и иногда – необоснованную мягкость наказаний за объективно одинаково опасные действия.

Таким образом, анализ действующего уголовного законодательства, правоприменительной практики и доктринальных предложений позволяет сделать однозначный вывод о необходимости системного реформирования статей 134 и 135 УК РФ. Сегодняшняя редакция указанных норм не обеспечивает должной правовой определенности и не отражает всего спектра форм сексуализированного посягательства в отношении несовершеннолетних.

Представляется целесообразным закрепить в статье 134 УК РФ ответственность за все формы сексуальных действий с физическим контактом, включая не только вагинальное, но и анальное, оральное взаимодействие. Статья 135 УК РФ должна быть ограничена действиями, не предполагающими телесного контакта, но направленными на сексуализацию несовершеннолетнего – в том числе посредством дистанционного общения, демонстрации контента сексуального характера и манипулятивного вовлечения. Необходимым шагом также является официальное признание дистанционных форм сексуальных посягательств (в том числе через интернет и мессенджеры) как квалифицирующего признака состава преступления. Это позволит устранить пробелы и противоречия в правоприменительной практике, снизить риск произвольного толкования закона.

References

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Приговор Дмитровского городского суда Московской области № 1-35 1-35/2014 от 22 января 2014 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/uQcwg7h4cSNs/> (Дата обращения: 16.06.2025).
3. Приговор Красноярского краевого суда по делу № 22-1-00001-2022 от 20 ноября 2023 г. URL: SudAct.ru (Дата обращения: 20.06.2025).

4. В СК отметили рост Интернет-преступлений в отношении детей. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16901361> (дата обращения: 19.06.2025).
5. Епифанов, Р. А. Проблемные вопросы квалификации развратных действий (статья 135 УК РФ) // Молодой ученый. 2023. № 44 (491). С. 190-193.
6. Житель Пензы приговорён к длительному сроку лишения свободы за совершение развратных действий и насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. URL: <https://penza.sledcom.ru/news/item/1255794/> (Дата обращения: 19.06.2025).
7. Мотин, А.В. Квалификация преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 26 с. С. 10.
8. Романова, В.В. Особенности состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // КриминалистЪ. 2010. № 2(7). С. 25–29.
9. Шалимова, А.А. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение действий сексуального характера в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет // Молодой ученый. 2022. № 37 (432). С. 129–131.

UDC 34

Sychev M.S. Comparative characteristics of the functioning of commodity exchanges in Russia and the USA

Сравнительная характеристика функционирования товарных бирж России и США

Sychev Matvey Sergeevich,

postgraduate student, MFPU "Synergy", Moscow

Сычев Матвей Сергеевич,

аспирант, МФПУ "Синергия" г. Москва

Abstract. *In this scientific article, the author briefly examines the comparative characteristics of the functioning of commodity exchanges in Russia and the USA from a legal point of view. The author gives a brief understanding of the development of exchange trading in general, notes its high practical significance. Further, the author examines the formation and development of exchange trading in Russia, starting from the 90s of the twentieth century, as well as the features of the functioning of commodity exchanges in the American economy. This scientific article will be useful to economists and lawyers, teachers and students, as well as a wide range of readers interested in modern features of the development of the Russian and world economy as a whole.*

Keywords: *legal regulation, commodity exchanges, exchange activities, current state, foreign experience, comparative characteristics.*

Аннотация. *В настоящей научной статье автор кратко рассматривает сравнительную характеристику функционирования товарных бирж России и США с правовой точки зрения. Автор дает краткое понимание развития биржевой торговли в целом, отмечает высокую практическую значимость. Далее автор исследует становление и развитие биржевой торговли в России, начиная с 90-х гг. XX века, а также особенности функционирования товарных бирж в американской экономике. Настоящая научная статья будет полезна экономистам и юристам, преподавателям и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными особенностями развития российской и мировой экономики в целом.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, товарные биржи, биржевая деятельность, современное состояние, зарубежный опыт, сравнительная характеристика.*

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Прежде чем стать значимой составляющей экономики государства, биржевая деятельность в целом и товарная биржа в частности прошла длительный путь исторического развития. В российской практике ее основы оказались заимствованы из зарубежного опыта, где первые серьезные усилия по организации биржевой торговли были предприняты в XVI веке – именно тогда в зарубежной экономике сформировалась биржа наличного товара. В дальнейшем поступательное развитие товарной биржи можно условно подразделить на 3 этапа, а именно:

- появление биржи реального товара (до XIX в.);
- появление фьючерсной биржи (XIX-XX вв.);
- функционирование фьючерсной биржи в условиях цифровизации и научно-

технического прогресса [4].

Сегодня товарные биржи в мировой экономике обладают высоким распространением, имеют устойчивый характер, что можно наблюдать и по статистическим показателям биржевой деятельности в целом, и по оценкам экспертов биржевой торговли. К примеру, самый значительный рост, по мнению экономистов, показывают данные общего числа совершенных сделок с фьючерсами и опционами. На это обращают внимание эксперты Ассоциации фьючерсной торговли. Предполагается, что далее процессы цифровизации, глобализации и актуальные тенденции к развитию отдельных направлений биржевой деятельности будут способствовать общему росту показателей товарных бирж.

Очевидно, что нормальное функционирование биржевой деятельности невозможно без наличия качественной нормативно-правовой базы. В современной России стартовой точкой формирования профильного правового регулирования стало создание в 1990 г. Московской товарной биржи и Российской товарно-сырьевой биржи. Биржевые операции на тот момент стали характеризоваться высокой степенью доходности, поэтому оказались крайне популярны на практике, и уже в 1991 г. общая численность созданных товарных бирж в России превысила 500. Безусловно, основой становления и развития товарных бирж на данном этапе стал переход российского государства от административно-командной экономики к рыночной, ведь в условиях первой само по себе существование товарных бирж как субъекта правоотношений было практически невозможно. Теперь же для их формирования были созданы все необходимые условия – сначала лишь социально-экономические, позднее – и правовые [1; 3].

Изначально правовой основой для функционирования товарных бирж в России были нормы гражданского законодательства, однако было принято и профильное правовое регулирование, представленное одним-единственным источником, – это Временное положение о деятельности товарных бирж в РСФСР от 20.03.1991 г. № 161 (далее – Временное положение).

Но и этот специальный акт не создавал необходимых правовых основ, его нормы отличались фрагментарным, точечным характером, довольно общим подходом и – что вполне ожидаемо – пробельностью и коллизионностью, ведь до 90-х гг. отечественный законодатель плохо представлял себе сущность биржевых операций, их характерные черты, а также те аспекты, которые должны получить правовую регламентацию. Эксперты отмечают: некоторые нормы Временного положения, напротив, препятствовали формированию института биржевой торговли, выражая искаженное представление о его сущности. Поэтому товарная биржа на данном историческом этапе

функционировала буквально автономно, не имея качественной поддержки государства, в т.ч. правовой.

Еще одной значительной проблемой, ставшей барьером для быстрого внедрения в практику биржевой торговли, стал заимствованный характер института, который было необходимо качественно адаптировать к новым российским реалиям [5].

Тем не менее, в 1992 г. был принят первый профильный нормативно-правовой акт, системно и комплексно регламентирующий рассматриваемые правоотношения, – это Закон РФ от 20.02.1992 г. № 2383-1 «О товарных биржах и биржевой торговле». Первая попытка законодателя сформулировать соответствующее правовое регулирование была успешной лишь относительно, Закон все так же отличался точечностью и фрагментарностью, не предусматривал глубокого подхода, однако в измененном виде, но все же оставался основным правовым источником вплоть до 2011 г. В 2007 г. законодателем был представлен на рассмотрение в Государственную Думу РФ качественно новый законопроект «О биржах и организованных торгах», впоследствии видоизмененный и принятый в 2011 г. как ФЗ от 21.11.2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах». В настоящее время данный документ продолжает оставаться основным и наиболее значимым источником правового регулирования функционирования товарной биржи в России, однако параллельно нормы, регламентирующие данные правоотношения, можно обнаружить и в других актах [4].

Далее проанализируем, каким образом и на какой правовой основе сегодня развивается биржевая торговля в США.

Исторически биржевая деятельность в американской экономике возникла значительно раньше, чем в России, но также довольно быстро и активно развивалась. Появление первых товарных бирж датируется второй половиной XIX в., когда после окончания Гражданской войны случился резкий спад цен на сырье. В некоторых штатах на тот момент биржевая торговля даже оказалась и вовсе запрещена – примером такой политики может служить Закон штата Иллинойс от 1867 г., хотя на практике он практически не применялся и через год был отменен. В целом же, на данном этапе все попытки американского законодателя сформулировать соответствующее правовое регулирование оказались неудачными, и лишь в 1916 г. принятие Закона «О фьючерсной торговле» (далее – Закон) можно считать успешным законодательным решением. В 1921 г. был принят обновленный закон, после чего правовое регулирование функционирования товарных бирж в США уже стало формироваться более системно и поступательно, с явным позитивным эффектом [2].

Безусловно, на развитие правового регулирования влияли и перемены в национальной экономике – к примеру, это Великая депрессия в конце 30-х гг. XX в. Тогда

Закон вновь пришлось приводить в соответствие с актуальными политическими и экономическими реалиями. Например, был предусмотрен законодательный запрет на осуществление торговли опционами на фьючерсных контрактах вплоть до 1982 г. В этот же период была создана Комиссия по товарным биржам (далее – Комиссия), получившая глобальную трансформацию лишь в 1947 г. Отметим, что впоследствии эксперты отмечали два значительных недостатка уполномоченного субъекта, в т.ч. связанные с тем, что фактически Комиссия не успевала оперативно реагировать на развивающиеся биржевые правоотношения.

В 1974 г. после принятия нового Закона была сформирована Комиссия по товарной фьючерсной торговле (далее – КТФТ) – новый уполномоченный субъект биржевых правоотношений. Эта структура является независимым регулирующим органом, который назначается и подчиняется Конгрессу. Комиссия состоит из членов, каждый назначается Президентом США и утверждается Конгрессом на пятилетний срок.

КТФТ стала мощным субъектом правового регулирования, инициировала принятие значительного числа профильных правовых источников, фактически выступая уникальным инструментом правовой регламентации функционирования товарных бирж. В настоящее время ее значимый статус сохраняется.

В целом же, если анализировать профильное правовое регулирование в США, то можно наблюдать явную направленность против монополизации. Государство выступает уполномоченным субъектом контроля, старается не допускать «провисов» в функционировании биржевой деятельности в стране, поэтому тщательно корректирует соответствующее правовое регулирование. Тем не менее, оно отличается своей фрагментарностью, точечностью, бессистемностью, отсутствием качественной проработки понятийного аппарата, а также некоторыми другими существенными недостатками. Предполагается, что унификация правового регулирования может стать одним из наиболее эффективных инструментов для реформирования законодательной базы, создания необходимых правовых условий для дальнейшего развития товарных бирж. Отметим, что подобная рекомендация актуальна и для российского правового поля [3].

Таким образом, мы наблюдаем, что в развитии товарных бирж в России и США присутствует немало схожих моментов. Однако в США биржевая торговля и соответствующее правовое регулирование формировалось столетиями, в России же товарные биржи стали активно действовать лишь порядка 30-35 лет назад. Соответственно, и профильное правовое регулирование находится еще на стадии своего становления.

И в России, и в США товарная биржа признана значимым субъектом национальной экономической деятельности. Очевидно, что законодатель уделяет внимание проработке нормативно-правовой базы, однако в настоящее время и в том, и в другом государствах правовое регулирование по-прежнему характеризуется пробельностью, коллизионностью, точечностью и фрагментарностью.

Подведем итоги изложенному выше.

Как видно из представленного анализа, биржевая торговля в современных условиях стала серьезной составляющей национальной экономики любого развитого государства мира – в статье это исследуется на примере России и США.

Автором кратко проанализированы основные этапы исторического становления и развития правового регулирования товарных бирж в России и США, а также современное состояние функционирования биржевой деятельности в обоих государствах. Сделан вывод о наличии значительных сходств и одновременно различий, о возможности заимствования зарубежного опыта, прежде всего – для российского права американских правовых нюансов [3].

Кроме того, автором отмечается, что в дальнейшем биржевая деятельность и в России, и в США продолжит свое активное развитие. В настоящее время необходимые правовые основы уже созданы, хоть и отличаются некоторыми проблемами. Предполагается, что наилучшими способами для трансформации правовой базы выступают систематизация и устранение правовых пробелов и коллизий, изменение функционала внутренних подразделений товарных бирж, а также создание качественно новых товарных бирж, повышение правовой и финансовой грамотности населения в контексте их участия в биржевой деятельности в целом. И ключевым в данном отношении будет повышенное внимание к функционированию товарных бирж законодателя и правоприменителя.

References

1. Дорохов, Е.В. Сравнительный анализ устойчивости фондового рынка России и США в условиях геополитических трансформаций // Мир новой экономики. 2024. № 11. – С. 105-110.
2. Зарубежный опыт биржевой деятельности [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://eee-region.ru/article/3315/>
3. Самков, К. С. Обзор фондовых рынков стран-лидеров (США, Россия, Китай) / К. С. Самков // Актуальные вопросы экономики и информационных технологий : сборник тезисов и статей докладов 60-ой юбилейной научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР, Минск, 22–26 апреля 2024 г. / Белорусский

государственный университет информатики и радиоэлектроники. – Минск, 2024. – С. 591–592.

4. Тимофеева, А.А., Марков, Д.Е. Московская биржа и ее позиция среди ведущих мировых бирж // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. № 11. – С. 158-164.

5. Фищук, З.А. Особенности международной биржевой торговли // Вестник СНО ДОННУ. Вып. 16. Т. 3. Экономика. 2024. – С. 180-185.

MASS MEDIA AND COMMUNICATION

UDC 811.111-26

Grishina S., Galeeva T., Pestova M. "Gender Stereotypes in the Language of Mass Media"

Grishina Svetlana,

Student of Linguistics (Translation and Translation Studies)
Russian State University of Social Technologies
Russia, Moscow
Scientific adviser

Galeeva T., Candidate of Philosophical Science,
Head of the Department of Foreign Languages
and Intercultural Communication
Russian State University of Social Technologies
Russia, Moscow

Pestova M., Candidate of Philological Science,
Dean of Foreign Languages and Intercultural Communication
Russian State University of Social Technologies
Russia, Moscow

Abstract. *This article examines the mutual influence of gender stereotypes in the language of the mass media (MMS), as well as their role in shaping public consciousness and identity. Gender stereotypes are stable and simplified ideas about the roles, functions, and behaviour of men and women, which are formed under the influence of cultural and historical contexts. The article analyses the historical and socio-cultural nature of these stereotypes, emphasising their variability and dependence on time and place. The main focus is on the mechanism of socialisation through the media, which, as a powerful tool for transmitting values and norms, contributes to the reinforcement of stereotypes. The article examines the textual mechanisms of stereotype transmission, including the use of certain images, associations, and lexical means that create and reinforce traditional ideas about gender roles. It also discusses the impact of gender stereotypes on society, the limitations they impose on men and women, and their consequences for social dynamics and levels of violence. The conclusion emphasises the need for critical reflection on gender stereotypes in the media and the search for ways to transform them in order to create a more equal and inclusive society. The article is addressed to researchers, politicians, educators, and anyone interested in issues of gender and media culture.*

Keywords: *gender, stereotypes, mass media, functions, behaviour, language.*

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

1. Introduction.

In modern society mass media occupies a key role in the formation of public consciousness and cultural stereotypes. The language of mass media serves as a powerful tool of communication, which actively participates in the creation and consolidation of existing

socio-cultural reality. The study of gender aspects of media language is of particular importance in this process, since it is through it that ideas about the social roles of individuals are disseminated and legitimized.

Nowadays media content has a huge impact on the perception and self-esteem of various population groups, forming expectations, behavioral norms and stereotypical attitudes. Despite significant social changes, the movement for equality and gender justice, the media test still retains numerous stereotypical images, fixed in language, which hinder the creation of an equal and inclusive space for all groups.

The relevance of the topic “Gender stereotypes in the language of mass media” is also determined by the rapid development of digital technologies and globalization of the information flow, which have strengthened the role of media in the formation of mass representations of gender roles. In modern conditions, it is necessary to conduct a systematic analysis of linguistic mechanisms that contribute to the consolidation or destruction of gender stereotypes, as well as to develop recommendations for the use of more inclusive and neutral language in the media environment. Thus, the study of the influence of media language on the consolidation and transformation of gender stereotypes is an urgent task, the solution of which is important for promoting the idea of equality and building a more tolerant and inclusive society.

The aim of the study is to identify and analyze the mechanisms of formation, consolidation and mutual influence of gender stereotypes in the language of mass media.

Objectives of the study: 1. To study the theoretical basis of the concept of “gender stereotypes” and the peculiarities of the media language as a communicative tool. 2. Linguistic analysis means (lexicon, grammar, stylistics) of the media text that contributes to the consolidation of gender stereotypes. 3. To carry out a practical analysis of examples from modern mass media in order to identify stable samples of gender stereotyping. 4. To determine the influence of linguistic stereotypes in the media on the formation of social behaviour and perception of the roles of men and women.

The object of study is different news. The subject of research is gender stereotypes. The theoretical and methodological basis of the study is the systemic and gender approaches to the study of socio-cultural and linguistic phenomena. It influenced the choice of research methods, namely, theoretical analysis of scientific literature; content analysis of media texts; comparative analysis of linguistic elements; component analysis of cognitive representation of situations in terms of participants, sociological review of studies of media influence on public opinion. “The gender approach is based on the idea that it is not the biological or physical differences between men and women that matter, but the cultural and social significance that society attaches to these difference” [5, p.25].

The degree of study of the problem can be traced in domestic and foreign sources, such authors as Y.P. Budantsev, I.N. Zasursky, Y.N. Zasursky, I.S. Melyukhin, V.D. Popov, G.G. Pocheptsov, D. Bell, M. Castells, M. McLuhan, S. Moscovici, E. Toffler and others who considered the function of media language in a social context. The cognitive mechanisms of gender constructions were studied by L. Bloomfield and his school, R. Lakoff (feminist linguistics), F. de Saussure, N. Chomsky and others.

According to these scientific approaches, it is possible to judge the peculiarities of media functioning and their impact on the modern generation. Whose socialization in the conditions of audiovisual and digital culture takes place through television and the Internet. This fact allows us to constructively consider the processes of formation of gender stereotypes in the media.

Definition of the concept of “gender” and “gender stereotypes”.

The concept of “gender” (from the English gender – gender, social sex) in modern humanitarian science is understood as a socio-cultural construct reflecting social roles, behaviour, expectations and norms attributed to men and women in society. Unlike biological sex, gender describes the social and cultural aspects associated with human identity and behaviour. Gender is a “socially and culturally constructed phenomenon” [5, p. 26].

Gender stereotypes are stable generalized ideas about the properties, roles and behaviour of men and women, which are formed under the influence of culture and social institutions. These stereotypes often reflect traditional, simplistic and often discriminatory attitudes that perpetuate inequality and limit individual freedom of expression. “The term gender originated in the English-speaking space and is an English homonym for the grammatical category of gender”, which in some linguistic situation leads to confusion [5, p. 9].

Gender incorporates “socially and culturally determined model” of a man or a woman in a certain society and at a certain time. Thus, gender is a broader concept, for the study of which it is necessary to investigate a much larger number of language phenomena than only those of its units, the semantics of which includes the component of sex. At the same time, the very existential characteristics of a person, in particular his/her gender, are interpreted by society depending on how it realizes the concepts of masculinity and femininity. Therefore, those units of the lexical structure of the language that reflect the natural essence of “sexus” are also of interest for the study of gender, since its perception by native speakers is largely socially conditioned and corresponds to models of masculinity or femininity, in which belonging to the biological individual may not coincide with his or her natural sex. All this makes it legitimate to study the representations of masculinity and femininity fixed in language and related models of orienting behaviour of individuals.

Language as a means of reflecting and reinforcing social norms.

Based on the concepts in the works of Husserl and Heidegger, W. Maturana and J Lakoff, it becomes clear that language not only reflects social reality, but also actively participates in its reproduction and transformation. As David Lee notes, “given that language is an instrument for categorizing the phenomena of human experience, it clearly cannot be a mere mirror reflecting reality. Rather, it imposes its structure on our perception of the world” [5]. Rather, it imposes (imposes) its structure on our perception of the world” [6, p. 8]. Through linguistic means, ideas about social structure, roles and norms are transmitted and consolidated, i.e. language is seen as a system of guiding behaviour, in which meaning plays a decisive role.

Gender norms and stereotypes are manifested in language in the form specific vocabulary, grammatical forms, styles and discourses. Scientific literature has explored the notion of a “genderlect” which includes a set of characteristics of male and female speech. However, we agree with H. Cottoff that the notion of “genderlect” doesn’t apply to most cultures [5, p. 609]. The problems of language and gender were organised in 1970 by Mary Key at California University, and in 1975 she published the book “Male Female Language”.

Within the pragmatic and sociolinguistic paradigm, language is seen as a tool for shaping social consciousness. The use of certain words and constructions can influence the perception of reality, contributing to the reinforcement of patriarchal mechanisms or, conversely, promoting equality and the elimination of stereotypes.

Features of gender discourse in linguistics.

The gender discourse is studied as a set of linguistic practices that reflect and create gender inequality. Linguistics distinguishes several levels of analysis of gender manifestations in language: lexical (mentioned above gender vocabulary, metaphors, clichés), grammatical (gender forms, pronouns and gender agreement), pragmatic (stereotypical communication models) and discursive (speech strategies, narrative patterns). At the same time, many studies show that the language of mass media is particularly important as a place where gender stereotypes are not only represented, but also actively constructed and disseminated due to the mass coverage of the audience.

Media language has its own peculiarity determined by genre, communicative and social features. The media disseminates information quickly and widely, striving for maximum communication effectiveness, often simplifying and standardising language. As a result, the language of the media often relies on established clichés and stereotypes, including gender stereotypes, which contributes to their widespread use and perception as socially normal and natural.

The lexical composition of the language of men in the media

The lexicon describing the images of men in the media includes a set of words, expressions and stylistic means that form the image of a male hero, leader, professional or stereotypical “male” type of behaviour.

Main features of the lexicon: 1. Conservative and professional terms. Most media use words related to leadership, power, technology, sports when describing men. For example: “leader”, “boss”, “warrior”, “hero”, “scientist”, “engineer”, “sportsman”, “serviceman”. This creates an image of a strong, competent and purposeful person.

- “US leader Donald Trump’s withdrawal from participation in the new round of talks between Russia and Ukraine will become Kiev’s capitulation” [8].

- “When officials in the home province of Vietnam’s top leader went door to door recently, pressing residents to sign letters agreeing to the Trump Organisation’s plans for a new golf community, Le Van Truong wanted to refuse” [10].

2. Lexis associated with strength and courage. Words and expressions emphasizing physical strength, toughness, confidence are used: “mighty”, “tough”, “manly strong”, “stern”, “unkind”, “owner”, “dominant”. There are often metaphorical expressions emphasizing strength and authority. 3. Vocabulary related to “technology”, “cars”, “weapons”.

The media actively use terms and jargon related to cars, weapons, machinery: “motor”, “armoured”, “master on the road”, “weapons”, “ammunition”, which reinforces the image of male strength and power. 4. The use of action verbs. They create a dynamic image: “leads”, “fights”, “conquers”, “forces”, which emphasizes activity and initiative:

- “Former Czech goalkeeper Dominik Hašek has lost his mind due to injuries and is trying to attract attention to himself with loud statements” [12]. 5. Images through phraseological turns and cliches. For example: “proud father”, “steely character”, “a fighter”, “a beast on the field”, “a man of word and deed”. These expressions reinforce the character of the male character: - “one of them kidnaps a man they believe tortured them in prison”; “Panahi, who has been imprisoned several times, drew his inspiration from stories he heard from other inmates while he was at Evin Prison in Tehran” [11].

The grammatical composition of men’s language in the media tends to be associated with the frequent use of forms emphasizing confidence, status and activity. 1. Male personal pronouns “he” and first names or generic designations (“businessman”, “professional”, “athlete”) are used more frequently in the media, focusing attention on specific male images and roles. 2. The predominance of verbs in the active form (e.g. “leads the team”, “gains ground”, “fights for the right”) emphasizes initiative and strength. 3. Descriptions of men often use compound and participial constructions to emphasise professionalism, decisiveness:

- “Leading the company, he has achieved great success”;

- "...the head of the Kiev regime first tried to emphasise the rigidity of his position by signing a decree banning negotiations with Moscow, and now seeks to make himself look like a supporter of peace" [17]. 4. Generic forms of nouns. Cf: "expert", "broker", "serviceman", in most cases are used in the masculine gender, which fixes the masculine image. 5. The description often use nominative constructions denoting the status and role of men in society, e.g.: "he is a leader", "hie position is key". 6. Use of definitions in the superlative degree: "the strongest", "the hardest", "the greatest", etc.: "White House Chief of Staff Donald Trump reiterated that the greatest contribution to the Victory in World War II was allegedly made by the United States". [13]. "The award capped a contest that was widely seen as the strongest in years" [11].

Thus, the image of men in the media is formed through lexical means associated with strength, activity, power and professionalism. In grammatical terms, active forms of verbs prevail, pronouns and masculine nouns are used, which creates the image of a confident and influential character.

Media language often uses vocabulary associated with leadership, power and responsibility. Active verb forms emphasizing activity and initiative predominate. Strong word combinations and metaphors create the image of a strong, confident man. In "Argumenty I Farty" there is a more pronounced emphasis of family roles (father, protector), in "The Times" – on leadership and professional success.

The composition of female language in the media also covers many aspects, including lexical, grammatical and stylistic features. In terms of lexical composition, we can observe emotional vocabulary such as joy, care, support and inspiration. This makes the text more expressive and human. Women may use phrases and idioms that emphasise their emotional attachment, such as "the life of the party" or "their heart is in their hands": "Jacinda Ardern, the former prime minister of New Zealand, urged students at Yale's Class Day to remember that "we are connected" beyond national borders" [18].

The use of buzzwords and slang that are appropriate for the target audience, such as in articles on fashion or health, which show that their language is adaptable. Mentioning women's social experiences and issues such as "motherhood", "gender equality", "feminism" which helps to form an opinion about inclusive vocabulary. "It was the mother, Sofia Garifullina, choir conductor, Honoured Art Worker of the Republic of Tatarstan, director of the Centre for Contemporary Music, who encouraged the development of her daughter's talent and her entrance onto the stage". [16].

Texts can emphasise topics close to women – health, family, career, fashion, personal development and relationships. This forms specific terminology and words choice.

The grammatical structure differs from that of the masculine gender. Sentence structure consists of complex and compound sentences, which allows for a deeper analysis and explanation of thoughts. Women often use rhetorical questions in their speech to engage the reader emphasizing important aspects of the topic. Imperative sentences galvanize and captivate readers, like the call to action: "Let's take this step together!" Using first-person pronouns ("I", "we") more frequently fosters a personal and intimate tone. These strategies forge a connection with the reader, rendering the text more accessible and engaging. The use of modal verbs to express certainty, possibilities or assumptions, such as: "can", "must", "want". This creates a sense of reliance and support for readers.

Stylistic features. Generally, texts by women in the media may contain a softer and more empathic tone, which is an attempt to establish a trusting and friendly rapport with the audience. The use of emotional and phrases of support and inspiration that motivate female readers to act or change their lives. Women's texts often contain real-life examples and personal stories, which makes them more personalized.

The composition of women's language in the media can vary depending on the target audience and context, but in general it is characterized by emotional expressiveness, inclusiveness and the use of constructions that promote engagement effective use of these lexical and grammatical aspects helps to increase trust and connection with readers, which in turn can increase audience interest and engagement.

Media language acts as a tool to reinforce gender stereotypes. It forms and maintains images of men and women. The media use certain language forms to create stereotypical images: men are associated with strength, power, professional success. Words and expressions are often used to describe men as a "leader", "strong", "decisive", "defender". Women are associated with care, gentleness, domestic role. The phrases used to describe them are: "caring", "beauty", "attractive", "homemaker".

Media language is saturated with metaphors and images that reinforce gender perceptions: "strong shoulder" is symbol of male strength. – "Women's intuition" – association with emotionality. – "Host of the men's club" or "gentle hostess" – consolidation of social roles. The constant repetition of stereotypical images in the media influences public perception and self-identification, forms stable ideas in the audience about "how men and women "should look like" and "how they should behave". This dictates behaviour, expectations, attitudes, and the comfort or discomfort of certain roles for representatives of each gender.

Media language influences the formation of new stereotypes or the transformation of existing ones. For example, negative characteristics to describe men who violate traditional roles are perpetuated. Emphasis on "traditional values" or, conversely, on progressive change, influences the continuity or change of gender perceptions. At the same time, gender

stereotypes shape the language of the media itself: the use of masculine or feminine pronouns and guidelines for their use, the selection of words corresponding to expected roles and characteristics, the use of gender stereotypes in headlines, descriptions and comments to attract the attention of certain audiences. [14].

Patterns of language fixed in the media, in turn, reinforce stereotypical representations of society, creating a feedback effect. The media form cultural norms that are reflected in the language used by society in general and the media in particular. Certain “natural” roles are perpetuated in society, which is again supported by language [15].

“As far as gender is an image phenomenon” [5, p. 610], we observe that it is gradually shifting within performative representation and “linguistic differences may no longer be important”. As a result, the interaction between gender stereotypes and media language is a two-way process in which language not only reflects existing stereotypes but also actively shapes and reinforces them. This creates a stable system in which words and images work to maintain, develop or transform gender norms in society.

Thus, analysing gender stereotypes in media language allows us to identify the mechanisms of linguistic construction of social reality and find ways to create more inclusive discourse.

References

1. Bell D. Budushchee promyshlennoe obshchestvo [The Coming Industrial Society]. Experience of social forecasting. - Moscow, 1999;
2. Budantsev Y.P. Sistemnost' v izucheniiu massovnykh informatsionnykh protsessov [Consistency in the study of mass information processes]. - Moscow, 1986;
3. Budantsev Y.P. Sociology of Mass Communications. - Moscow, 1995
4. Castells M. Information Age. Economy, society and culture. - Moscow, 2000;
5. Gender and Language / Moscow State Linguistic University; Laboratory of Tender Research. Scientific editor and compiler Doctor of Philology, Professor A. V. Kirilina — M.: Languages of Slavic Culture, 2005 — 624 p
6. Lee, D. Competing Discourses. Language and Ideology / D. Lee. – Essex England, New York: Longman, 1992. – 210 p
7. Levada Y.A. Press in Society. Moscow, 2000
8. aif.ru/politics/v-ssha-zayavili-chto-vyhod-trampa-iz-peregovorov-stanet-kapitulyaciy-kieva
9. Ardern J., The former prime minister of New Zealand, urged students at Yale's Class Day to remember that “we are connected” beyond national borders” [Mitch Smith.

America's Shifting Role. <https://www.nytimes.com/2025/06/08/us/graduation-speeches-2025.html>

10. Cave D. "Why Vietnam Ignored Its Own Laws to Fast-Track a Trump Family Golf Complex" <https://www.nytimes.com/2025/05/25/world/asia/trump-vietnam-golf-project.html>

11. Dargis M. "Iranian Movie Shot in Secret Wins Palme d'Or at Cannes Film Festival". The New York Times. <https://www.nytimes.com/2025/05/24/movies/cannes-palme-d-or-it-was-just-an-accident.html>

12. Fairburn M. "Dominik Hasek says he received death threats from former Russian president". <https://www.nytimes.com/athletic/6302250/2025/04/23/dominik-hasek-russia-threats-medvedev/>

13. Khodyrev Yu. "Trump again made a statement about the role of the United States in World War II". <https://aif.ru/politics/world/trump-vnov-sdelal-zayavlenie-o-rol-i-ssha-vo-vtoroy-mirovoy-voyn-e>

14. Loktionov N. "Zakharova doubted Zelensky's personal decision not to take the bodies of soldiers of the Armed Forces of Ukraine" <https://aif.ru/politics/zaharova-usomnilas-v-lichnom-reshenii-zelenskogo-ne-zabirat-tela-soldat-vs-u>

15. Loktionov N. "The head of Russian Railways spoke about the feat of the driver who died near Bryansk". <https://aif.ru/incidents/glava-rzhd-rasskazal-o-podvige-pogibshego-pod-bryanskom-mashinista>

16. Molchanova T. "Who is Aida Garifullina, who is rumored to be associated with the singer Vorobyov?" <https://aif.ru/culture/person/kto-takaya-aida-garifullina-kotoruyu-sluhi-svyazyvayut-s-pevcom-vorobe-vym>

17. Romanova K. "The duplicity of Zelensky's position on negotiations". <https://aif.ru/politics/eksperty-raskryli-igru-zelenskogo-pered-peregovorami-s-rossie-y>

18. Smith M. America's Shifting Role.

<https://www.nytimes.com/2025/06/08/us/graduation-speeches-2025.html>

CONCLUSION

The conclusion of this issue of the journal emphasizes the importance of the ongoing dialogue between science and practice. The presented research papers enrich our view of the current problems and challenges faced by professionals in various fields. The discussion of topics including the importance of emotional intelligence in management, biographical aspects of teaching, and the influence of cultural context on learning highlights the relevance of research and its impact on the development of professional knowledge. These studies not only add new dimensions to the understanding of the subject, but also offer practical recommendations for improving professional practice.

The most impressive aspect of this issue is its interdisciplinary approach, which allows readers to get acquainted with the cross-points of contact between various fields of knowledge. We hope that the materials of this issue will inspire our readers to further research, help in choosing a professional path, and become a stimulus for new achievements in the field of science and practice. In this way, our journal continues its mission to disseminate knowledge, supporting the professional community in its aspirations for learning and development.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№7(1)/2025

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 5,2
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”